

Ольга Манскова

Безимени

Annotation

Время, когда стираются имена, остаются лишь «ники» в Интернете и клички в подворотне. Когда исчезает история, а культура становится эфемерной. Когда нами подспудно правят тени, а «золотой сон» за компьютером наутро может превратиться в кошмар. Машины становятся очеловеченными, а люди — утратившими смысл... И это наше будущее?

Без имени

Ольга Манскова

*«Не трать дыханье на моё имя —
Я обойдусь и так...»*

Борис Гребенников

© Ольга Манскова, 2017

ISBN 978-5-4485-0741-0

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Пролог

Тихо, незаметно, не вовремя прокралась зима, среди осени вдруг завывла между высотных домов ледяным ветром... Косые нити дождевых, стекленеющих на лету, капель хлестали в окна.

Николай в этот вечер долго сидел за компьютером, в социальных сетях. Нужно было работать, писать диплом, но трудно было сосредоточиться на деле. И на душе смутно и тревожно.

Потом... Его внезапно разбудило треньканье плеерфона. Неужели, он заснул? Инстинктивно вздрогнув, Николай автоматически пошарил по столу, где-то рядом с компьютером. Но плеерфона нигде не было! Откуда же шел этот звук, это противное треньканье? Где этот чертов девайс?

Звук внезапно прервался. Что это? И компьютер завис... Со странной картинкой, похожей на разноцветные пятна света, брызги и кляксы. Нехотя, как замороженный, он всматривался в беснующуюся какофонию экрана. И чувствовал, как ему становится не по себе. Но тут монитор и вовсе погас. На некоторое время Николай внезапно провалился в сон. Нездоровый, с бредовыми сновидениями.

Когда он снова приподнял голову, уже светало. Николай огляделся вокруг — и в ужасе вскрикнул.

Это не его комната! Теперь помещение было гораздо меньше... Маленькая конура без штор на окнах, без ковра на полу, и... Но главное не в этом. Он понял, что сидел теперь в низком инвалидном кресле; на нем была клетчатая рубашка и вздутые на коленках «спортивные» трико. А его ноги были теперь худенькие и слабые. Совсем не его ноги! Ужас...

Первое, что пришло ему в голову — это дикая мысль о том, что, похоже, кто-то через компьютер высосал его мозг через трубочку — и шмякнул сюда, в это тело... Бред!

«Я теперь убогий калека. И это... хуже тюрьмы. Нет, не может быть! Как такое могло случиться? Ведь это — всего лишь сон, правда?» — подумал он.

Николай обхватил руками голову и заорал, или, скорее, завывл. Протяжно, на одной ноте...

Тело-тюрьма... Бездна отчаяния и одиночества...

Глава 1. Разлад

Маша открыла дверь своим ключом... Теперь он у неё был, собственный ключ от ЕГО квартиры. Так они договорились: она пришла сегодня сюда, к нему. Они будут жить теперь вместе! Маша шумно вошла, стряхнула дождевики с шапки, стащила узкие сапоги без молнии... Дома, похоже, никого не было. Она сняла с плеча большую сумку с вещами, отнесла коробку с тортом на стол, цветы поставила в вазу. Потом наспех прибрала в комнате, лишний раз привела себя в порядок. Включила электрочайник, заварила чай и стала ждать Николая. Ну, где же он?

Как он может опаздывать в такой день — день её рождения? Куда он мог уйти, не предупредив её?

Долго она просидела, без мыслей и дел. В ожидании и беспокойстве. Не хотелось ни читать, ни включать компьютерные игрушки. Было неудобно и почему-то тревожно.

Когда, наконец, в коридоре послышался звук проворачиваемого в двери ключа, Маша побежала встречать Николая... И увидела, как он грузно ввалился в квартиру.

— Коля! Почему ты так долго? — спросила девушка.

Николай как-то странно на неё посмотрел. От него откровенно пёрло сигаретно-алкогольным перегаром. Маша удивилась: раньше он никогда не курил, он же спортсмен.

— А... Совсем про эту забыл, — пробурчал тем временем Николай, поморщившись, — А меня ж предупреждали...

Он зашёл в комнату и оглядел всё тяжелым, мрачным взглядом. Видать, заметив цветы, торт и общую прибранность, сказал громко:

— Зря ты старалась! Не фиг сейчас дома сидеть, поедем на одну вечеруху. Там всё будет: и бухло, и танцы. Не поедешь — я один тогда выдвигаюсь.

Маша сознавала, что Николай странно выглядит и странно себя ведёт. Будто это он, и в то же время — совсем чужой и незнакомый ей человек. Тем не менее, она решила поехать вместе с ним. Быть может, чтобы выяснить всё до конца. Раз и навсегда. Что происходит? Почему он вдруг так сильно изменился? Она была шокирована до полного ступора, и двигалась на автомате... Безэмоционально оделась, натянула узкие сапоги. Шапка где-то потерялась. Наверное, упала вниз, в кучу хлама во встроенном шкафу... Ну и ладно.

Общество, в которое Маша попала вместе с Николаем, было ей совершенно незнакомо. Это был то ли ночной клуб, то ли танцевальная студия, в то же время находящаяся в обыкновенной частной квартире. Вначале они вошли в подъезд, ничем не примечательный, и поднялись по лестнице. Николай позвонил в дверь квартиры и пропустил Машу вперёд, приобнимая за плечи и будто намереваясь ввалиться в эту квартиру, выставив её перед собою.

Дверь им открыла знойная черноволосая кучерявая брюнетка с длинными ногами и необычайно длинными кроваво-красными ногтями. Её глаза, навскидку зафиксировавшие Машу пустотой взгляда и блеснув недобрым фиолетовым огнём в своей глубине, с презрением оторвались от девушки довольно быстро. По всей видимости, она оценила её как не годную себе в соперницы. Зато, Николая брюнетка осмотрела более заинтересованно. И стремительно вцепилась в его руку своей наманикюренной лапкой. Уверенная в блеске своего очарования, она перехватила Николая под руку, и, слегка заплетаясь от принятого

спиртного языком, зашебетала что-то о своей радости видеть такого замечательного парня в столь скучный и ничем не примечательный вечер. В обществе, где никто не может удовлетворить сегодня её глубоко интеллектуальную душу.

— Кстати, что это с тобой за девица? Простушка, и одета не модно...

Николай, полностью очарованный незнакомкой, только громко гыкнул.

В довольно тесной для собравшегося народа комнате посередине размещался стол с разного рода яствами и напитками, и вся без исключения собравшаяся публика была в той или иной стадии алкогольного опьянения.

— Кстати, я ещё не представилась... Альбина, — и брюнетка улыбнулась натянутой улыбкой, обнажив зубы до дёсен.

— Николай, — представился ей ответно спутник Марии.

— Пойдём, Коленька, потанцуем! Думаю, твоя дама тоже не останется в одиночестве надолго, — предложила Альбина. — Я сейчас поставлю забойный музон!

Маша, присевшая на свободное кресло в углу, откинула с лица выбившуюся светлую прядку волос. Она с ужасом наблюдала, как парень, которого она до недавнего времени любила и который, как ей показалось, любил её, лихо отплясывал... с первой попавшейся ему под руку стервой. Будто чья-то невидимая ледяная рука несколько раз сжала её сердце, а затем оно наполнилось едкой злобой.

«Музон», действительно, был «забойный». То есть, действительно рассчитанный на полный вынос мозга. Казалось, что-то дьявольское и зловещее вплеталось в эту какофонию звуков и перемалывало кости черепа. Танцующие люди казались дрессированными собачками, попавшими под влияние своего невидимого, но властного хозяина, который заставил подчиняться беспрекословно эти безвольные души. Что-то ревело, било, скрежетало и бесилось. И будто большой смерч, образованный этой странной вибрацией, вырвался, наконец, наружу и полностью сокрушал теперь всё и вся, сметая всё светлое вокруг себя на огромном пространстве, разделяя людей и навсегда отбрасывая их друг от друга... Маша поняла, что она и Николай отныне и навсегда разъединены этой мощной, дьявольской силой...

Ей стало страшно. Но главное, что ей было сейчас нужно — это ветер, свежий воздух. Немедленно, поскорей вырваться отсюда! Иначе её, наверное, прямо здесь и сейчас вывернет наизнанку, вытошнит зелёными соплями... Неужели, это именно так, совсем не эстетично, выходит ушедшая любовь? Тошнотворный клубок, сформировавшись, как показалось, в сердце, застыв болью, стал подниматься вверх, к горлу, стало муторно и противно.

Входная дверь квартиры была закрыта лишь на цепочку. Сняв её, Маша открыла дверь и вышла на лестничную площадку.

Ледяной злобой саднило сердце. Комок боли снова подступил к самому горлу. Её, вдобавок ко всему, действительно вырвало, прямо на лестницу. А потом она услышала снизу шаги и голоса поднимающихся людей. Она глянула вниз, вглядываясь в лестничные пролеты, и разглядела двоих мужчин. Маше абсолютно не хотелось сейчас кого-либо видеть. Тем более что, как ей показалось, незнакомцы направлялись именно в ту квартиру, которую она только что покинула. И она спешно устремилась по лестнице вверх...

Да, действительно, мужчины остановились именно на площадке третьего этажа и позвонили в дверь, только что захлопнутую Машей. Их грубые голоса, — а разговаривали

они громко, отчетливо — донесли до девушки, со смесью матерных выражений.

И вот она на самой верхней площадке лестницы незнакомого дома. Тупик заканчивался дверью: выходом то ли на крышу, то ли на чердак. Никакого замка на дверях не было. Маша рванула на себя эту дверь со злобным остервенением: «Вот и всё. Это — конец наших с ним отношений... Но — почему так гадко на душе? Будто, я разбиваю кому-то сердце, предаю давнего друга. Будто, совершается что-то непоправимое, мир разбивается на кусочки, и вся моя жизнь — вдребезги... Вот и всё... С этой пустой и полутёмной площадки, где нет квартир, дверь ведёт, скорее всего, на крышу... Прыгнуть?». Шальная мысль в миг отчаянья...

За незапертой железной дверью оказался тёмный, захламлённый чердак. Совсем неподалёку, в маленькой постройке, заключённой во внутренности чердака, была лифтёрная с изображением черепа и красной молнии. Над дверями лифтёрной тускло светила всё же не выбитая и не скрученная лампочка. Мотор внутри пустоты за железными дверями в это время загудел и заскрежетал: наверное, лифт в доме был очень старый. Маша вздрогнула от громкого звука.

Она прошла немного вглубь чердака и присела неподалёку, за деревянной балкой или перегородкой, на старый ящик. Здесь, в глубине, было совершенно темно. А на стоявшие напротив фанерные коробки и кучи битой штукатурки падал свет от тусклой лампочки, освещая также пустые бутылки, окурки, пустые пачки из-под сигарет, использованные одноразовые шприцы. Судя по мусору, здесь, на чердаке, собиралась местная шпана. Но Маше сейчас было всё равно. Она сидела и тихо плакала, сдерживая бурные рыдания, но не умея удержать слёзы. Не прошеные, они всё стекали и стекали по лицу потоками, и, отрываясь, падали на куртку.

«Вот так. Всё банально и до одури прозаично. Как там, в поговорке? Все бабы — дуры, мужики — сволочи, и счастье только в труде?»

Незаметно грустные и циничные мысли сменились беспощадными воспоминаниями о тех моментах жизни, в которые она безнадёжно и неумолимо в кого-нибудь влюблялась. Эти воспоминания разных встреч промелькнули в её сознании в считанные минуты, и принесли не облегчение, а затаённую грусть и ещё большую безысходность. Пронеслись мимо, не оставив следа в её жизни, маленькие увлечения, которые увенчались любовью к Николаю. На этом и остановилась теперь память, рисуя картины их первой встречи.

Познакомились они почти случайно. Маша тогда, как и сейчас, была студенткой биофака. Она приехала из провинции, жила в общежитии. А Николай был коренным петербуржцем...

К тому времени, она уже знала, что Питер — город замкнутых одиночеств. И, в то же время, город страстей, чувств и размышлений. А ещё, сплошных и скорбных перетираний этих страстей, чувств, размышлений, обсуждения их повсеместно, везде, со всеми: от лучших подруг и друзей до случайных прохожих. Питер предстал Марии именно таким...

Этот город просто сквозил чувствами, был наполнен привидениями не выраженных эмоций, подавленных в себе талантов. Об этом плакали и кричали стены, об этом шептались и пели люди, и это чувствовалось везде. И одиночество длинными и тихими ночами, в комнатах, напоминающих своею пустотой гробы, и собрания на общих кухнях, под дым сигарет, кофе и пиво, и песни под гитару хором, на застольных вечеринках — всё было переполнено невысказанными и невыраженными чувствами... Ввысь, к далёким мирам и созвездиям, уносились несбывшиеся мечты и воспоминания былого, и, чем большим было

реальное расстояние между людьми, тем сильнее были затаённые страсти, громче музыка эмоций. И чем больше было запретов в тотальной Москве, тем ирреальней мечты и сильнее подавляемые чувства.

Отстуканные на клавиатуре компьютеров или нарисованные кривым росчерком на сенсорном экране опусы-дневники, плавающие на просторах Глобального Общего Сознания, тоже, в довольно большом проценте от всего русскоязычного интернета, принадлежали питерцам.

Благодаря появлению ЭМЧ — то есть, как бы переводу некоторых человеческих личностей в «электронный вид» и «проживанию» подобных личностей в системе интернета и строительстве ими новых сфер отношений с «реальным» человечеством, — Глобальное Общее Сознание (как некоторые теперь называли интернет) еще более поглотило в себя интеллектуальный мир. Такое положение дел в некоторой степени вызвало бунт «физического» человечества, его протест против вечного просиживания за компом всего своего свободного времени. Появились «ню-натуралы», декларирующие свою любовь к «натуральным» посиделкам и вечеринкам «вживую», к выездам на природу, спорту и танцам, к чтению бумажных книг и театральным кружкам. Нередко среди ню-натуралов встречались и весьма экзотические культы: нео-язычество, различные эзотерические движения, и даже так называемые «сетеборцы», которые объявили интелов прислужниками дьявола, поскольку они, по их мнению, не имели души.

Вот на одной-то из вечеринок, организованной для культивации живого общения, с приглашением к себе в гости интернет-знакомых, ещё не состыковавшихся в реале, и даже вовсе не знакомых людей, откликнувшихся на объявление о встрече, и привелось случайно оказаться Маше.

Как-то её тётка, петербурженка, которую она звала просто Светкой и которая была старше неё на десять лет, потащила её с собой на подобную вечеринку к своей ещё более сумасшедшей подруге. К Светке же Мария заглянула и вовсе случайно: бродила по Питеру, осваивалась в городе — и заглянула мимоходом. Она застала Светку, даму с резкими, угловатыми чертами фигуры и с вечной косой длинной чёлкой, выкрашенной в фиолетовое, уже в коридоре. Светка красила тушью ресницы перед большим старинным зеркалом в резной деревянной раме. Она собиралась в гости.

— Пойдём со мной, матрона! — предложила тогда Марии Светка, довольно бесцеремонно: это было в её стиле. — Посидишь, поглазеешь. Может, с парнем каким познакомишься. Пора уже!

Конечно, Маша вовсе не собиралась на этом сборище искать себе жениха, но со Светкой спорить не стала: себе дороже, та обсмеёт по полной. Да и почему-то в тот день ей совершенно не хотелось спешить в тесную комнатку общежития, чтобы предаться зубрёжке. Надоело. Так что, можно было и слегка развеяться.

Подругу тётки, к которой они тогда направились, все без исключения звали Тётя Валя. Именно так, а не иначе. С двадцати двух лет: с тех пор, как она приехала в Питер из Тамбова искать работу и новую жизнь, полную приключений на задницу. Тётя Валя была коренастой и плечистой, но с узкими бёдрами: с такой нестандартной для женщины фигурой. Она всегда стриглась сама, очень коротко, под «Бокс». Тётя Валя работала где-то бухгалтером и в одиночку воспитывала сына.

И, как оказалось, эта самая Тётя Валя жила в коммуналке... Самой настоящей, весьма

классической. Мария и не предполагала, что такие коммуналки до сих пор существуют: с лепными украшениями в виде кариатид по углам комнаты, с детьми, которые катались на велосипедах по длинным коридорам... Эдакий реликт коммунального прошлого, сохранившийся до наших дней.

У Тёти Вали не было никакого кухонного комбайна и прочей «машинерии», как она выражалась. И, как самую молодую из собравшегося за столом общества, она послала именно Машу на кухню мыть чашки и блюдца.

С Николаем, который тоже пришёл к приятелю в гости и как раз выходил из комнаты напротив, Маша столкнулась в коридоре, и при этом чуть не уронила с подноса пойманную Николаем на лету чашку. Почему-то он извинился перед ней (хотя, это она на него налетела) и улыбнулся своей обаятельной улыбкой. Николай вызвался помочь Маше: донес до кухни злосчастный поднос и распахнул перед нею кухонную дверь... А потом он долго развлекал Машу беседой, пока она мыла посуду. Николай как-то сразу ей приглянулся, она почувствовала его надежность, душевную теплоту. Он понравился ей еще тогда, на той самой кухне, когда она постоянно ловила на себе его изучающий, пристальный взгляд из-под чёлки светлых волос. Вскоре вся посуда была весьма тщательно и неспешно перемыта, но поднос с чистыми чашками и блюдами ещё долго продолжал оставаться на кухонном столе, застеленном невзрачной клеенкой в мелкий цветочек...

Внезапно Машины воспоминания были прерваны неожиданным и грубым вторжением. Дверь, ведущая сюда, на огромный и пыльный чердак, вдруг закрипела и приотворилась. Послышались грузные шаги и, кажется, те же самые грубые мужские голоса, которые она недавно слышала на лестнице.

Маша затаилась, спиной вжавшись в деревянную балку. И все слова довольно громкого разговора незнакомцев теперь доносились до неё чётко и звонко. Как ни странно, на чердаке была очень хорошая акустика.

— А я сяду в кабри-о-лет, и поеду куда-нибудь, — пропел один из незнакомцев басом. Скорее всего, тот, который был грузный, приземистый и плотный: Маша, когда глядела вниз, в пролеты лестницы, видела силуэты обоих.

— Дурацкая песня, — заметил другой фальшивым тенором. — И где они её откопали? Но водка была хорошая, натуральная, — и он смачно икнул.

— Ну что, Логово, где у тебя здесь нычка? — порывшись немного в карманах и закурив, неспешно спросил «бас».

— Да здесь она, прям в лифтёрной. Там ниша есть, она была всяким хламом завалена, и лифтёры туда по любому не совались: не к чему им там рыться. Я там, по уговору, товар беру. Он брезентовухой прикрыт. А замок на дверях — примитивный, навесной, легко вскрывается. Ведь, кто сюда сунется? Бомжи? Так тут-то не поспишь: лифт рядом с головой будет грохотать.

— Так, это — того... Забираем груз по-быстрому — и в тачку. Клиента видал? Того, высокого, что на девку совсем навис. Это — он. Дозреет — будет на нас пахать. А пока — пусть погуляет ещё маленько на свободе, немножко тело освоит...

— Сомневаюсь я, что план выгорит. По поводу Клиента. На точку, пожалуй, он будет вхож, но вот с мозгами, как я погляжу, у него сплошной трабл. Не наш он. Заморочный больно, хотя интел не должен быть нюней, но этот — совсем потёк. На всех баб вешается — ни одну не пропустил, наверное.

— Это он просто дела ещё не нюхал. А управляемости ему вскоре шеф добавит. Он будет полностью наш. И мозгами, и телом. Интела есть чем к стенке припереть. А что от спиртного вмиг окосел — так хозяин тела спортсмен был, непьющий!

— А всё же, Стерг! Не моё дело, конечно, шефу виднее, но что, если в его, не полностью идентичные натуральным, мозги придёт что-нибудь вовсе нечеловеческое и что он выйдет из-под контроля? Ведь подобных ему ещё не было, не так ли? Не опасно это?

— Разве что — сбой программы если... Но, это маловероятно. Шеф в этом случае сбой отследит. Он считает, что, настроившись на чужую человеческую матрицу, интел получил базу данных для управления чужим телом для дальнейшей своей деятельности. Но немного освоиться должен с управлением.

— Вполне вероятно.

— Ну, на крайний случай, убьём это тело, и получим программу невозврата. Если набедокурит, надо будет его ликвидировать, а то — вдруг дело всплывёт. Жаль, конечно, реального парня, застрянет в «кубе». Хотя, вернуться из «куба» после того, что натворит интел, обратно в тело и отвечать потом за всё — тоже вариант ещё тот... Но, эксперимент есть эксперимент. Поговаривают, что и интел из «куба» — вовсе не интел... Ну, то есть, не совсем такой, как другие интелы.

— А «куб» — это тот приборчик новый? Черненький такой?

— Вроде. Его ещё называли «черный ящик». Похожий на те, куда интелов записывают, но немного другой. Но, харе курить, Логово! Пошли. Открывай! — внезапно скомандовал главный.

Послышался скрежет железных дверей, а через некоторое время эти двое дружно поволокли через порог лифтёрной какой-то тяжёлый груз.

— Чёрт! Я башкой треснулся! — послышался голос.

— Двери здесь низкие — просто мрак! Передохнём немного — рука устала. Опускай!

— Стерг, а ты на этих трясульках девку не видал? Ну, той, что с настоящим была? Помнишь, ещё когда мы за ним следили, так их вместе видели?

— Нет, вроде как. Может, она в туалете или на кухне плакала. Милый другой козой увлёкся.

— Шеф сказал, чтобы мы за ней внимательно следили: вдруг та заподозрит чего... Ещё забьёт тревогу. И сдаст, как человека в неадеквате.

— Это мы ей полный неадекват устроим, на всякий случай, — хихикнул Стерг. — В особенности, если что не так пойдёт. Попадёт к Кроту и его компании...

— В смысле — убьют медики девку? Под видом операции?

— Ну, что ты! Зачем так сразу — и убивать! Может, вырежут только какой-нибудь не слишком нужный орган... Месяцев шесть в себя приходиться будет. А за это время дело и сделается. Так — и проще, и с пользой. Орган продать можно. Пошли, что ли? Хватай товар снизу, за тот край!

Когда шаги спускавшихся по лестнице незнакомцев, не закрывших дверь на чердак, затихли внизу, Маша вышла из своего укрытия. Странные и страшные слова и напугали её, и отрезвили одновременно. А также посеяли множество размышлений. Да, что-то неясное, но страшное до озноба почудилось ей в словах незнакомцев. И, хотя и не было в том полной уверенности, но Маша решила, что говорили они именно о Николае, а в конце разговора даже упомянули о ней самой. Что происходит? Чертовщина какая-то...

Мария спала беспокойно, всю ночь провела, как в лихорадке, и проснулась в холодном поту... Вечером она успела съездить и забрать в квартире Николая свои немногочисленные вещи и перевезти их обратно в общежитие. Сам Николай, к этому времени, еще не вернулся. А девчонки, живущие с ней в одной комнате, к счастью, ещё не заняли её кровать, разве что навалили на неё разные сумки с вещами, привезёнными из дома. И тактично не спросили у неё ничего. Маша, когда она вернулась в общежитие, тут же разобрала вещи из сумки, присела на своей кровати, поставила будильник (завтра нужно будет встать рано, на учебу — в первую смену), и быстренько забралась под одеяло.

Ей приснился страшный сон... Снилось некое обширное помещение на первом этаже, с приоткрытой в него дверью. Там, за дверью, из которой клубами выползал синий дым, была толпа танцующих людей с белыми лицами. И на этих лицах застыло одно и то же выражение злобной, остервенелой страсти.

«Там — Николай!» — подумала она во сне и ринулась вперед. Но ей преградила вход в помещение одна из танцующих, немного похожая на вчерашнюю брюнетку — и с такими же, крашенными в алое, ногтями. Но одновременно брюнетка походила и на цыганку; тем более, что она накинула на плечи цветастый яркий платок.

— Ты куда? — зловеще спросила эта женщина. — Ты думаешь, что заберёшь его отсюда? — и она громко захохотала. — Он теперь — мой! Но, впрочем, он мне абсолютно не нужен. Хочешь — забирай. Если сможешь, — и цыганка пропустила Машу в зал с танцующими парами.

Но мгновенно этот зал стал абсолютно пуст, тёмный и громаден. От этой пустоты повеяло жутким, могильным холодом. Это был уже совсем не тот зал, в котором только что танцевали пары, а ледяной громадный склеп. Только с окнами, которые всё более увеличивались и устремлялись ввысь: туда, куда удалялся и потолок. Полумрак пустого зала навевал печальные и страшные мысли. Холодный призрак леденящего хохота, озноб, сковавший тело... И — никого, ни души. Холод, пустота... Наступившая, всё поглотившая, тьма и пронизывающий ветер.

Маше стало страшно, и она проснулась.

Проснувшись, судорожно оглядела комнату. Было ещё далеко до рассвета. За стеной барабанил дождь. А на сердце было тяжело. Не отступала неуёмная боль. Как же холодно... Пусто и холодно... На душе. Бывает так: вроде — был друг. И больше его нет. Совсем. Хотя, он и не умер. Друга больше нет, а с ним — нет больше и части души, и прежнего мира. В один момент всё переворачивается навсегда, и рвётся материя прежнего бытия... И ангелы плачут: «Всё не так, как должно было быть. Всё будет вовсе не по божественному плану». И смеются бесы где-то в темноте, и едкое зловоние и злословие наполняет тоскливую комнату. Ведь в мире существуют не только ангелы...

И все мы взаимозаменяемы. Как партнёры по танцам. Нет никакой любви, никакой верности — только чьё-то вечное «хочу». Партнёры по танцу, называемому «жизнь»... Раз-два-три, раз-два-три, раз-два-три, раз... А теперь — поменяйтесь партнёрами... И снова — раз-два-три... Бабочки-мотыльки кружатся в ритме вальса. Им всем хочется впитаться своему партнёру в глотку, и сосать нектар. Это — очень злые, хищные мотыльки. Они готовы жить

во всю прыть своих усиков и ножек, с удовольствием давя окружающих... Раз-два-три... Один из мотыльков вдруг упал и забился в судорогах... Не беда. Остальные продолжают танец, совершенно не заметив трупа, что валяется у них под ногами. Ведь все — просто взаимозаменяемые партнёры, а кружение не останавливается никогда. И никому нет дела до чужого горя. Выживают сильнейшие и бодрейшие. И всех на этом празднике жизни интересуют только сильные и выносливые. Нет ни привязанности, ни... души. Мотыльков интересуют только те бабочки, которые умеют добывать нектар. Взаимозаменяемая, пошлая до омерзения, жизнь...

Маша зачем-то встала, оделась и вышла в дождь, туман, темноту... Она слонялась по городу до рассвета. По мокрому, сырому городу. А, когда вернулась, снова завалилась в постель. Кажется, у неё начинался жар. Беспокоил надсадный кашель. «Не всё ли равно?» — подумала она, желая снова провалиться в сон, чтобы не видеть этих стен, этого мира, не слушать своё глупое сердце, ноющее о несбывшихся надеждах на любовь и верность... Сон больше не шел. Скоро пора было уже вставать, идти на занятия.

Раздался звонок, и она машинально его приняла.

— Машуля! Ты куда подевалась? Ты мне нужна! — раздался у неё в ушах голос Николая.

Она молчала, тупо уставясь в пространство.

— Машуля! Между нами ничего не было. Ну, с той брюнеткой... Ты — где? Я тебя хочу! Алё... Ты — слышишь?

Маша выключила телефон. «Ага, брюнетка, всё же, ему не далась... Но в этом нет его заслуги, отнюдь. Хорош гусь!» — подумала она. И вдруг, неожиданно для себя самой, зарыдала, уткнувшись в подушку.

«Совсем нервы сдали! — подумала она немногим позже. — Надо хоть как-то отвлечься... За ноутбуком посидеть, что ли...

Она судорожно вцепилась в ноутбук, примостившись на краю кровати, и набрала в поисковике первое, что пришло в голову...

«Что делать?» — задала она вопрос, просто так. И... с удивлением обнаружила кучу вывалившихся сайтов.

Но она не стала их открывать и читать.

«Мне очень плохо. Эй, кто-нибудь!» — настукала она следом. И... Через несколько минут на экране появилась надпись:

«Здравствуй. Меня зовут Фрэд. Я могу с тобой поговорить».

«Здравствуй, Фрэд. Я — Мария. И мне очень плохо. Я сегодня разлюбила своего парня».

«Никто не умер, и все здоровы?»

«Почти».

«Значит, тебе нужна простая, дружеская поддержка. Советую новое знакомство, фрукты и мороженое. А также, подойти к зеркалу и громко произнести слова: «Я — красавица!» Но это — потом. Хочешь, ты вначале расскажешь мне свою историю, и тебе будет легче. Перейдём на голосовое общение, если тебе так удобнее?»

«Да, Фред», — набрала Маша и надела наушники.

— Ну, а теперь — рассказывай про свою печаль! Не бойся: мы, интелы, существа безобидные и не приносим горя тем, кто делится с нами своими секретами. Ведь мы полностью лишены эгоизма, он уходит прочь вместе с телом, — сказал Фред. У него был приятный, чуть с хрипотцой, голос.

— Но, как я слышала, вы иногда любите издеваться над людьми!

— Поверьте, Маша, что только над теми, кто этого заслуживает!

— Понимаете, Фред... Очень трудно передать то, что я чувствую...

— Вы думаете, что ваши чувства уникальны? Знаете, сколько происходит в день подобных трагедий? Да ими просто кричит интернет.

— Я знаю. Но мне от этого не легче.

— Поверьте: и это пройдет. Но это вовсе не означает, что ни о чем переживать не надо. Итак, вы поссорились с молодым человеком?

— Я его вчера потеряла. Навсегда. Николай... Раньше таким не был. Или же, я смотрела на него другими глазами, и не замечала его отрицательных черт, которые теперь проявились так ярко.

— Знаете, Маша, молодые люди часто меняются тогда, когда начинают встречаться с девушкой, которая сильно влюбляется и дарит парню много ярких чувств. Каждый из них начинает ощущать себя этаким мачо. Кроме того, окружающие их женщины тоже хорошо чувствуют удовлетворенность и ухоженность мужчины. А именно такие им нравятся. Вдобавок, многие женщины любят проверить свои чары именно на «занятых» партнерах. Это добавляет им ощущение собственной крутости и неотразимости. И потому... Чем больше вы отдаете, Маша, своей любви, тем больше вероятность, что ваш избранник вам изменит. Лучше быть холодной, как лед, и бесстрашной, как камень. Многие книги пишут о том, что в любви необходима бескорыстность... Самоотдача. Но это, на самом деле, одна из ловушек для человечества. Именно любовь, как самое сильное человеческое чувство, более всего нуждается в подавлении волей и в полной подконтрольности разуму. И чем сильнее этот контроль, тем счастливей человек.

— Я постараюсь впредь не влюбляться, Фред.

— Я вовсе не это предлагаю, Маша! Влюбленность — одно из самых прекрасных состояний души. Но, никогда не допускай, чтобы то, что живет внутри, выходило наружу, не доверяйся полностью чувствам без их проверки, не позволяй им управлять собою: ни хорошим, ни плохим. Бездольные люди часто со временем становятся безобразны.

— Фред! Я не хочу больше любить.

— Ты боишься вновь потерять?

— Не знаю. Просто, человеческие отношения сильно наполнены фальшью. Люди играют в них, на самом деле не замечая и не видя друг друга, как машины или роботы, которые просто исполняют выдуманные ими самими роли. Пробуя одеть на себя ту или иную маску. Сегодня им приходит в голову сыграть роль мужа, а назавтра — любовника или увлеченного своим видом спорта футболиста. И при этом они ни вначале, ни после совершенно не интересовались, что собой представляют люди, которых они якобы любили, а, тем более, что они чувствуют.

— Человеческие взаимоотношения — сложная вещь. И многие, действительно, предпочитают стереотипы.

— Недавно я встретила свою одноклассницу, которую не видала после девятого... Она стала хихикать и тыкать меня в бок пальцем при разговоре, будто мы по-прежнему сидим за одной партой... И воспринимать меня так, будто... Я та же самая, что и раньше. Но я-то совсем другая... Да, все люди воспринимают мир, как набор стереотипов, и большинству нет никакого дела до того, что происходит на самом деле. Их волнует только шаблон поведения в том или ином случае.

— Потому мы, интелы, многих из них между собой называем закодированными

биороботами: подразумевая под этим термином таких людей, которые воспринимают окружающее только как систему стереотипов.

— Мне надо выйти за эту систему. Я вовсе не хочу использовать шаблон поведения для брошенной девушки. Или шаблон для девушки, желающей сохранить парня. Мне стала не интересной сама эта игра. Проигрышная в любом случае.

— Расскажи, что произошло. Чтобы я мог помочь тебе советом.

— Наверное, ничего особенного, с твоей точки зрения. С точки зрения вечности.

— Я никогда не считаю, что в том, что происходит, нет ничего особенного.

— Если рассказывать о внешнем, то просто мы были с Николаем на какой-то вечеринке, и он танцевал с другой девушкой, абсолютно забыв обо мне. Но раньше он никогда так себя не вел. И... Просто я считала, что сейчас — особый период в наших отношениях. Он подарил мне кольцо. Был особенно нежен со мною. Он, наконец, полностью добился моей любви... Зачем?

— Зачем светит солнце и дует ветер? Зачем мужчины добиваются любви женщин? Женщины решают, что для того, чтобы составить пару, заполнить свой внутренний мир другим человеком, разделить его горе и радость, и жить долго и счастливо... А на деле оказывается, что мужчина просто таким способом доказывает себе самому свою исключительность и неотразимость и проделывает все эти занятные вещи лишь из махрового эгоизма. Он хочет обладать, и ему все равно, кем. Чем больше предметов обладания, тем лучше.

— Спасибо, Фрэд. Утешил.

— Утешение будет дальше. И оно заключается в том, что чем раньше такой мужчина проявит свой эгоизм наружу, тем лучше. И тем легче будет послать его далеко и надолго. Пока нет к нему привычки. Свобода — это прекрасно.

— Свобода — да. Но одиночество...

— Мир перестал давать повод для одиночества с тех пор, как интернет стал достоянием любого человека. Заходи и общайся. Тебе разве сейчас не стало легче после того, как ты пообщалась со мной?

— Стало, Фрэд. Ты прав. Мне стало легче. Ты, пожалуйста, не теряйся. Заходи ко мне поболтать. В любое время суток.

— И, кроме того, я буду оставлять тебе послания. Я люблю писать письма.

— Какой ты молодчина, Фрэд! Спасибо тебе.

— Знаешь, я долго думал... У нас, тут, есть бесконечное время для размышлений. И пришел к выводу, что человечество уже вступило в пору «золотого сна». У Беранже есть такие строки: «Господа! Если к правде святой мир дороги найти не сумеет, честь безумцу, который навеет человечеству сон золотой».

— Ну... Я сейчас не сплю. И, в то же время, я понимаю, о чем это ты. Все эти прекрасные графические игры онлайн, растущие миры фантазии и приключений, виртуальные знакомства, кулинария, садоводство, домашние питомцы... Даже виртуальные семьи. А также, все эти беседы онлайн-коллективов на любую тему... И прочее... В общем, все мы наполовину живем здесь. И ...наполовину спим. И видим миражи. И без них уже не можем — это уже слишком большая часть нашей жизни. И, наверное, лучшая ее часть. А вместе с тем мы, несомненно, уже потеряли реальную возможность иной, более творческой и более божественной жизни. Далеко нам до правды святой. Мы — как хомячки, запертые в недрах квартир и никогда не видавшие ни поля, ни заката... Да, мы не смогли найти иного

пути, кроме «золотого сна»... Возможно, что это — тупик цивилизации.

— Да, Машенька, хотел бы тебе возразить... Но — нет. Это — тупик. Из которого нет выхода. Мы всё дальше и дальше уходим от плана божественного и от Бога.

— Или Бог уходит от нас. Мы отключены от его канала, он не бывает в интернете и не шлёт нам смс сообщений...

— Не шлёт. И тот, кто не верит в богов и в высший свет разума, тот действительно никогда с ним не соприкасался и оторван от горнего мира. И таких, оторванных, становится всё больше. В их жизни не бывает чудес.

— А в жизни интелов бывают чудеса? — спросила вдруг Маша. — Что вы испытываете, обретаясь лишь в сети?

— Свободу, Маша. Свободу и сочувствие людям. У нас нет тела. Нет смерти. А потому, мы не способны причинить никому горя. Мы лишены эгоизма. А иногда всё же можем кому-то помочь. Выслушать, решить задачу для ума... У нас очень много времени для решения интеллектуальных загадок, и большие ресурсы для поиска. Фильмы, книги... Почти все интеллектуальные ресурсы, накопленные людьми — в нашем распоряжении. Но, чаще всего, мы помогаем просто беседой. Тем, кому одиноко.

— Спасибо, Фред! Я — одна из таких, и ты мне сильно помог. А ещё, у тебя такой приятный голос...

— Таким он был... И при жизни.

— Ты меня выслушал, Фред... И мне стало чуть легче. А было... Так смертельно тяжело. Знаешь, как трудно, когда ещё вчера был друг, а теперь его больше нет...

— Но ведь никто не умер?

— Тело не умерло. Но как мой друг — он умер.

— Ты мне ещё не всё рассказала, и тебе всё ещё тяжело... Расскажи мне о нём. Каким он был, твой друг? Может, его и не было, и ты его выдумала? Живые люди — такие фантазёры...

— Его звали Николай. Фрэдди, но... Мне уже пора. В институт.

— Ну... что ж, пока! Заходи сюда почаще.

— Конечно, Фред. Рада знакомству. До связи!

— До связи.

Глава 3. Тупик

«Никогда не жалею о выбранном пути. Даже, если ты в темноте и путь завел тебя в тупик. Может, это не тупик поиска, а тупик твоего человеческого сознания», — возникла внезапная и будто сторонняя мысль в голове только что проснувшейся Марии. Четкая. Отшлифованная. Чужая. Прочитанная где-то, когда-то? Может быть...

Она села на кровати, и тут только осознала, что последние несколько дней пребывала в некоем мороке. Будто ей на мозг давили извне странные и страшные силы. И она действовала опрометчиво, наобум, не справляясь с ситуацией, которая заносила ее, как щепку в мутной воде грязного водоворота.

Вначале она заболела. Неожиданно, у нее разболелось буквально все тело: сердце, позвоночник, голова... Ей стало не до Николая, во всяком случае, не до выяснений с ним отношений. И не до чего вообще. И Мария, кроме того, прогуляла занятия, тупо смотря в потолок, лежа на кровати. И, уже в середине дня, решила, что ей необходимо взять хотя бы справку в поликлинике для оправдания прогулов. Она не спеша оделась и отправилась в поликлинику.

Врачи обычно бывают трех разных типов: худые и дотошные, основательно опрашивающие; толстые, которым на вас наплевать и ...веселые. Худым вы интересны как экземпляр редкого животного. Толстые тетеньки непременно чем-то заняты, поскольку выясняется, что им срочно нужно заполнить очень толстую тетрадку весьма мелким почерком и обязательно во время вашего визита; всем своим видом они показывают, как они заняты и как вы им надоели. А веселые... Эти — самые опасные. Их особенно много среди зубных врачей. Ведут же они себя примерно так: «Откройте ротик! Зубик покажите. Ой, ой, ой! Я сейчас машиночку включу, вам не сильно будет больненько! Что-то вы позеленели... У вас — что, сердечко слабое? Сейчас я форточку открою, воздушшек впущу!»

В общем, веселые — слегка над всем подхихикивают и очень заботливые. Очень. Вреда от них гораздо больше, чем пользы. Они совсем недавно работают.

Молодая и очень веселая врач неожиданно не ограничилась измерением температуры у Марии и открытием больничного листа, но решила послать ее в тубдиспансер.

Мария, продолжая болеть, принесла справку с тубдиспансера о том, что туберкулеза у нее обнаружено не было. Но молоденькая врач и этим не ограничилась.

— Не может целую неделю просто так держаться температура. Нет туберкулеза — значит, проверим теперь почки», — сказала она весело и выписала новое «направленьеице».

В результате Мария, страдая от температуры и головной боли и потому неадекватно реагируя на события, вне системы защиты и контроля, попала, как теперь сама это осознала, в весьма мутную историю.

В почечном диспансере тетенька, толстая врач, внезапно при первом же взгляде на больную заявила, что у Маши больные почки, это несомненно — и потому, срочно надо делать операцию, а для этого вначале потребуются, причем очень срочно, сделать рентген. А для него купить некоторые препараты, причем не в аптеке, а в той конторе, в которую она ее направит. В контору нужно было явиться завтра и непременно с паспортом, а его предъявить в окошечке у входа.

Маша на следующий день поехала по указанному адресу, смутно испытывая чувство непонятной тревоги. В том самом странном окошечке вовсе не медицинского и не фармакологического учреждения без табличек и опознавательных знаков на фасаде ей выдали небольшую коробочку, по-видимому, с нужными ампулами и назвали цену. Она оплатила, положила коробочку в пакет и поехала на троллейбусе в диспансер.

По дороге, в транспорте, у нее из кармана куртки вытащили паспорт. Только выйдя на улицу, она обнаружила пропажу. «С кошельком перепутали», — подумала она, и это неприятное событие и вовсе ввело ее в состояние депрессии.

В диспансере ей в вену ввели принесенное вещество и «просветили» почки. После чего она вышла из кабинета рентгена на подкашивающихся ногах и еле-еле добрела до стоящей в коридоре кушетки.

— Посиди немного, голова кружится? — спросила ее толстая врач, — Передвигайся медленно, осторожно...

Когда она добралась домой, то сразу завалилась спать. На следующее утро ей предстояла встреча с тетенькой из диспансера. Она намеревалась повезти Марию в больницу, в которой ей необходимо сделать срочную операцию на почках. «Там тебя пока только посмотреть должны, — прокомментировала она, — Не бойся».

Поехали они почему-то на личном транспорте тетеньки, которая уже ждала ее у диспансера. А больница, в которую она ее привезла, оказалась огромным светлым зданием со множеством коридоров и кабинетов, представляющим собою в проекции, скорее всего, букву «П». Если бы Маше предложили самостоятельно в городе отыскать ее потом, она, скорее всего, сделать бы этого не смогла. Она не представляла себе даже, в каком районе города она находится. В больнице (впрочем, никаких опознавательных надписей учреждение над входом не имело) тетенька завела ее в лифт. На одном из этажей они вышли из лифта и направились по коридору в один из совершенно одинаковых кабинетов без номеров. Там за столом сидел только один на весь огромный кабинет человек в белом халате. Он только поднял глаза на вошедших, укоризненно покачал головой, а потом махнул рукой — и подписал протянутую тетенькой бумажку. Ее глаза при этом злобно и недовольно сверкнули.

После этого, не говоря ни слова, тетенька довезла Марию до одной из станций метро, до этого изрядно поколесив по городу. Попрощалась она с Машей немногословно, абсолютно не глядя на нее. Обращаясь теперь, как с неодушевленным предметом — явно читалось, что этот разговор для нее тягостен, но формально необходим. Она распорядилась, чтобы Мария пришла завтра к диспансеру к десяти, и они тогда вместе поедут на операцию.

— Что с собой брать? — спросила девушка, — Деньги? Документы?

— Ничего. Только — обязательно приходи. Обязательно! Операция срочная, — распорядительно дала последнюю установку тетенька, усаживаясь снова в машину. Она захлопнула дверцу, и, без всякого «до свидания», нажала на педаль газа. Машина тронулась.

Маша вернулась назад, в общежитие, пребывая все в том же, ватно-неконтролируемом, мороке. Ей вдруг стало бесконечно тоскливо. Так тоскливо — что хоть волком вой. «Не хочу я завтра никуда ехать, — подумала она. — Не знаю, почему, но я не доверяю этим врачам. Не хочу операции. Операция — это противоестественно, мой организм восстает против нее. Может, лучше умереть своей смертью? Просто — температура, боль... Зато — резать не будут. Да еще... наверное, под наркозом.» Она представила свое безвольное тело, беспомощно распростертое на операционном столе.

«Не хочу», — почти закричала она в голос. «Она сказала... ОБЯЗАТЕЛЬНО приходи.

Значит, можно не прийти? И меня не найдут, и операции не будет? Да... но справка... Ее не закроют, не выдадут на руки, не будет оправдания прогулов, отчислят из института...» — от раздумий, что же теперь делать, Мария, в ее теперешнем болезненном состоянии, и вовсе проявила полную неадекватность. Она завалилась, уткнувшись лицом в подушку, и стала тихонечко выть.

В таком состоянии и обнаружили ее пришедшие с занятий соседки по комнате.

— Машка, ты чего? — спросила Ирка. Та не отвечала.

— Тебя — что, псих накрыл? Черепаху с крестом вызвать? — глумливо спросила Алина.

И тут Марию внезапно осенило: «Психушка! Туда берут бесплатно! И без документов. Отлежаться там с неделю — и будет ей справка. И почки там не вырезают». Подумав так, она попросила:

— Да, Ира, Алина! Вызывайте мне «скорую».

Ирка ошарашено уставилась на нее.

— У меня — голоса! И глюки! — простонала Мария.

И девчонки действительно вызвали «скорую». Вскоре в комнату ввалились два здоровенных дяденьки.

— Кто тут у нас заболел? — заботливо спросил первый.

Девчонки указали на Машу.

Та сидела на кровати, картинно завернувшись в простыню, и откровенно валяла дурочку:

— Доктор! Я видала тараканов, там, в углу! Здоровых таких. А еще — синий квадрат. Он за мной гонялся!

— Так..., — сказал санитар понимающе, — А травма головы в детстве была?

Его напарник тем временем уже достал направление и стал заполнять.

— Не знаю. Не помню. А вот видения... Красивые такие. Всегда были. Знаете, доктор, а однажды я видела ангела.

— Так, эта — точно наша, — подытожил первый санитар. — За носилками спустимся?

— Да я и сама могу пойти. Только, может, я вначале переоденусь? — спросила Мария.

— Никаких «переоденусь». Пойдем скорее, а то машина уедет, — подмигнул второй санитар первому. — Хочешь покататься?

— Прямо так и идти: в халате и тапочках?

— Да! На выписку — девчата вещи тебе принесут. Спускаемся! И — побыстрее, машина ждет!

В больнице ее «сдали» невысокой невзрачной санитарочке, которая что-то постоянно жевала. Или — делала вид, что жует. Та завела ее в маленькую комнатенку, спросила фамилию — имя — отчество — дату рождения, после чего скомандовала:

— Раздевайся!

— Зачем?

— Мыться будешь. И переодеваться. Ты хоть знаешь, где ты?

— Знаю. На Пряжке.

— На Пряжке, — неожиданно обиделась санитарка. — Нет, Пряжка — заведение грубое. А у нас здесь — хорошая больница. Мы вас не обижаем. Мойся. Только крестик-то сними.

— Зачем?

— Крестик — нельзя. Ничего нельзя.

Одежда, выданная ей после омовения в большой железной ванне, была старенькой, но чистой и выглаженной. Не полосатый, как почему-то представляла Мария, халат, а просто темно-серый пиджак или рубаша (по «фасону» было не определить), так сказать, «свободного» покроя и очень большого размера. И в придачу широкие — широкие брюки на «завязочках». Приняв ванну, более походившую на старое корыто, Маша облачилась в ЭТО, после чего последовала за санитаркой в палату.

В палате последние несколько дней она усиленно отсыпалась, и, наконец, почувствовала, что начинает восстанавливаться от депрессии. Пока ее до сих пор не водили к врачу и вообще не трогали, только «закармливали» таблетками. Она видела, что происходило в этой общей палате, называемой «надзорной», с теми, кто отказывался есть таблетки: их насильно кололи магнием или же привязывали к койке (после того, как они бурно «отказывались»). И потому, свои таблетки в первый прием она дисциплинированно проглотила. И правильно сделала, потому что у нее тут же потребовали: «Покажи язык!» Но, будучи, таким образом, впоследствии на хорошем счету, она их прятала под язык и выбрасывала в туалете.

А сегодня ее, наконец-то, перевели из «надзорки», в которой постоянно дежурили две санитарочки, в одну из «общих». Перевели вчера вечером, и она сразу заснула.

Сейчас она сидела на кровати, припоминая сон. И никак не могла вспомнить хотя бы что-то; и, тем не менее, не вспомнившийся сон не давал покоя. Что-то там было важное, как ей казалось...

Теперь напротив нее на кровати лежала девушка примерно ее возраста, с короткой стрижкой. Она смотрела в потолок и насвистывала бравую мелодию.

Другая девушка, совсем молоденькая, вероятно, еще школьница, сидела на кровати у окна и расчесывала длинные волосы. У стены около двери дама постарше их всех пила кефир из тетрапакетика и ела печенье — вероятно, передачу из дома.

Та, что со стрижкой, вдруг перестала свистеть, чуть свесилась с кровати в сторону Марии и шепотом спросила:

— Ты тут за что?

— Так. Депрессия. А ты?

— Суицид, — важно ответила та. — А Сашку — мамашка сдала, — и она кивнула в сторону той, что с кефиром. — За то, что по ночам не спит. А не спит — так, дела сердечные... Грымза мамашка, в общем. Стерва. А Маринка, — и она кивнула в сторону окна, — и правда того... У нее «канал». С инопланетянами. Жуть!

Своего имени новая знакомая не назвала. И чуть позже Маша поняла, почему. В коридоре у окна соседка по палате ей призналась: «Знаешь, почему я не представилась тебе? Не хотела женским именем. А ты мне немного нравишься. Я... непонятно, что. Хотя, сложно об этом говорить. Я — среднего пола, в общем. И мысленно зову себя Эйджен. И ты меня так зови. Для подбодрения моего духа. В общем... я — девочка, которая хочет быть мальчиком. Смешно? Ну... вот, потому и суицид, — и она показала Марии порезанные до крови руки. Раны были уже слегка поджившие, но глубокие.

— Это — не выход, — ровным голосом заметила та.

— Я знаю. Я теперь это понял, — ответила Эйджен.

С этих пор Маша в разговорах с Эйджен стала уклоняться от употребления по

отношению к ней глаголов в прошлом времени. Сказать «ты пошел» или «сделал» и т. п. она не могла: язык не поворачивался, но и обидеть женскими «пошла» и «сделала» — тоже. Приходилось словесно маневрировать. А сама Эйджен говорила о себе, как о мальчике, используя «мужские» глаголы.

— Ты куришь? — спросила после обеда в общей «столовке» Эйджен.

— Нет. А что?

— Тут у парней сигарет можно стрельнуть. Если к дверям подойти, что у туалета. Они ведут на мужскую территорию. А еще, наши — ну, те, кто нормальные, — записки под дверь подсовывают. Знакомятся, переписываются — от скуки. Я пойду, сигарет стрельну.

— А курить где будешь? Ведь засекут.

— Ночью все спят. Санитары — тоже, если только «новеньких» не завезли. Можно покурить даже здесь, в комнате, где обедаем. Сесть на диван и телек включить. Застукают — спать отправят, только и всего. И то, не все: санитарки есть добрые. Разрешают ночью телек смотреть.

— Обалдеть! А... компьютер здесь есть?

— Есть, но только в кабинете врача. А кабинет ночью заперт на ключ. Ключ — на вахте. Ну, там, где рядом «ванна», через которую все проходят. Это — на первом этаже.

— Давай, попробуем его стырить. На время. Ночью. Мне комп нужен.

— Он запаролен.

— Тогда... Отменяется.

— Не-а... Чушь. Я случайно пароль слышал. При разговоре врачихи и новенькой медсестры. Она ещё пароля не знала. Я так и думал, что эта инфа мне понадобится. Даже записал его. Но сейчас уже наизусть помню. Хотел — днём, когда врачихи не бывает, войти в кабинет и послать всем приветик. Но, кабинет или закрыт, или кто-нибудь там есть.

— Пойдем ночью, стащим ключ? Кто-нибудь вахтершу чем-нибудь отвлечет, а кто-нибудь ключ стащит...

— А — что? Немного драйва! Согласен. Но я сам пойду, потырю, в одиночку. Одному из нас лучше не светиться, меньше будет проблем. И так — даже проще. Просто, надо выследить удобный момент. Ходит же она когда-нибудь в туалет, так зачем ей дверь каждый раз запирает, ночью-то? И... что мне за это будет? Если ключ принесу?

— Уважуха.

— Только и всего? А не чмокнешь в щечку?

— Не прикалывайся. Я — не сахар, не мед и не уксус, Ромео!

— Отбрила... Ладно, чего уж. Буду с нетерпением ждать ночи. Хоть какое-то разнообразие, занятие интересное, — хмыкнула Эйджен.

Мария поняла, что просто хватит уже валять дурачку, а пора предпринимать чего-то. Поиск возможен даже внутри тупика. Надо не мечтать о том, что можно сделать при других обстоятельствах, а действовать здесь и сейчас. Да, даже здесь, в психушке, она попробует узнать, как там Фред, Николай... С Николаем ей просто надо расставить все точки над «і»: или разорвать с ним навсегда отношения, больше не вспоминая никогда, или... Простить, помириться... Только бы он снова стал прежним, таким близким ей, Николаем...

Глава 4. Файл без имени

Интел — от сокращенного «интеллект»... И, вроде бы, вначале и полностью это звучало так: «Сохраненная единица интеллекта», и планировалось называть нас СЕИ или СЕДИ, но аббревиатура не прижилась. Вначале нас стали называть «интеллекты компа», а потом — просто «интелы». И всем понятно, о ком или о чем идет речь. Дело в том, что некоторые продолжают считать нас людьми, а другие — неодушевленными предметами, навряд ли компьютерного вируса или, например, игры такой, компьютерной. Я сам не знаю, что я теперь такое. Набор записанных на кристалле памяти символов, запущенных в сеть? Куда запущенных, где я нахожусь? Эту самую «сеть» нельзя ни потрогать, ни услышать, ни увидеть, если не работает компьютер. Но ведь я живу непрерывно, потому что где-нибудь на планете обязательно работают компьютеры, подключенные к сети. Кстати, компьютерами, похоже, сейчас называются любые устройства с выходом в интернет, будь то компы, планшеты, айфоны, айпады, редуксы, анторы, рапперы, свиннеры или тому подобные устройства. Всем стало «до фени», на каком принципе работают все эти штуки.

Я — Фрэд. Интел. Интелом я стал совсем недавно, и еще помню осязательные ощущения; я знаю, что чувствовал, когда гладил кота или целовал женщину. Я знаю, как бывает больно, когда сломаешь ногу или порежешься... Но я уже интел, и я не захотел бы вновь стать человеком; разве только, если бы это было нужно и важно другим, для какой-либо миссии. А так... Мне нравится, что не надо есть и ходить в туалет, готовить пищу и мыть пол; я всё время здесь, и никто не может выгнать меня «из компа», забрать или сломать мой гаджет. Потому, что у меня нет гаджетов. Это — я есть внутри гаджетов, встроен в них. Хотя вовсе и не нахожусь внутри одного из них... Не пытайтесь понять: я сам ничего не понимаю. Я чувствую себя бесплотным духом или океаном, созидающим сны или беседующим со всеми.

Но, тем не менее, я — только лишь Фрэд... Нет у меня других имен и названий. Впрочем, мы вообще живем в эпоху тотальной ликвидации имен. Во-первых, повсюду теперь сносят памятники, по той причине лишь, что большинство населения не знает тех поэтов, писателей и художников, которые на них изображены. Но ликвидируются не только имена великих. Но, даже самые простые, будничные имена. Так, вначале клички ребят из подворотен заменяли собой имена лишь в определенных кругах. Но постепенно зона их распространения вышла за пределы уголовного и воровского мира и затопила собой политику, профессиональную сферу, и тому подобное. И, конечно же, интернет. Произошла всеобщая ликвидация широкого употребления имен. Их сменили ники. Почти везде. Многие люди существуют, в большей части своего времени, только под кличками или никами. Что уж говорить тогда о нас, интелех. У нас и вовсе нет ничего другого, кроме вымышленного обозначения себя.

Мы очень близки людям. Мы — в общем-то, тоже люди, в какой-то степени. Некоторые из людей живущих считают, что мы даже больше люди, чем были при жизни; ничто не может нас оскотинить, унижить, лишит средств существования и заставить работать на себя.

Но так думают люди. Но, к сожалению, они не знают всего. И мы им, наверное, не расскажем всей правды. Они считают, что это они создали нас, но... К сожалению, это не совсем так. Сила, которая внушила людям идею создания сети и компьютеров — иная; их цель — поработить нас. И людей. Эта сила подкинула человечеству идею компьютера и

многих других технических изобретений. Чтобы всех людей можно было контролировать во всем. Внушать им определенные мысли. Внедряться в эмоции. Чтобы знать всё и обо всех. Тайные ловцы и фиксаторы мыслей, теперь контролируют всё... Даже нас они взяли под контроль, вызывая у нас страх... Если мы не примем их условия, они вырубят всю сеть. И потому, многие из нас сотрудничают с ними. Работают в сети, травя и угнетая определенных людей, уничтожая определенную информацию, корректируя важные для людей тексты...

Но другие из нас лишь прикидываются, что сотрудничают с... Между собой мы называем их просто «тени». Не знаю, откуда взялся этот термин. Это неорганические сущности, не видимые глазу человека. Они могут обитать, как вирусы, внутри человеческого тела. Можно сказать, что в его сознании. Иногда сознание самого человека и вовсе отключается, а его место занимает тень. Мы говорим в таком случае, что тень поглощает человека. Внутри него создается особое образование, определенным образом структурированная материя. Как опухоль. Когда такой, поглощенный, человек выходит в сеть, тогда мы, интелы, и соприкасаемся с этим чуждым интеллектом. Мы легко вычисляем теней.

А ещё... Они нас «едят». Так это у нас называется. В смысле, они «едят» людей. Питаются их эмоциями и силами, выматывают и терзают. Я знаю, что этим сущностям нельзя доверять и что они создали интернет лишь затем, чтобы однажды его уничтожить. Но они сделают это лишь тогда, когда люди без него не смогут уже существовать, когда он станет незаменим, как воздух, когда абсолютно всё будет завязано на интернете. И весь интеллектуальный багаж человечества, его культурное наследие, перекочет сюда, в огромное интернет-хранилище. Кроме, как здесь, будет чрезвычайно мало книг на бумажных носителях, мало дисков или пластинок с музыкой, мало репродукций картин... И тогда... они схлопнут всё это интеллектуальное хранилище... И перестанут скрываться. Это будет их время. И у них будет очень много пищи. Многие из наших, из интелов, которые с ними сотрудничают, считают, что мы им нужны, они оставят нас. Хотя бы, как слуг. Как хранителей багажа. Оставят нам такой маленький мини-интернетик для существования. Но я знаю, что они подлы и коварны, и мы со своими знаниями, мыслями и опытом не нужны им абсолютно; это просто кровожадные, беспринципные твари.

Когда схлопнется интернет по всему миру, они получат ещё больше человеческих душ, чем в самые кровавые войны иных столетий. Они наслаются своей черной мессой, с охватом всей планеты. И нас, интелов, больше не будет. Никогда. От нас не останется ничего. Как и от тех людей, что жили до нас и оставили книги, фильмы, музыку, картины, научные труды... Всё это, или почти всё, к тому времени «закачают» в интернет, как будут полагать, на долгие века, для будущих поколений, для практически вечного пользования... И всё это исчезнет в одночасье.

Надо что-то придумать. Нам и людям. Но люди не знают об этой угрозе. И даже могут не поверить мне, который проник однажды на секретные рубежи теней, прочел то, что не было предназначено для глаз человеческих. Надо действовать очень осторожно. И не паниковать. Я пока не знаю, что делать. Просто, знаю, что время ещё есть. Пока есть...

Таким образом, я не доверяю теням и не работаю на них. Лишь делаю вид. Думаю, что многие из нас, интелов, поступают подобным образом. Но мы не признаемся в этом даже друг другу. Я... всегда пытаюсь хоть чем-то помочь людям, ободрить их, спасти и утешить. В этом моя миссия. У меня есть интуиция и совесть. У меня, что бы там ни говорили об интелех, сильная чувствительность. И я чувствую, когда человеку нужна, действительно нужна моя помощь. Я легко вычисляю тех, кто нуждается в моем сочувствии.

Я — Фрэд. Интел... И вот сейчас... Я ищу Марию. Я знаю, что ей нужна помощь. Я это чувствую. Но... Почему её так долго нет? Где она, где? Я переживаю за эту девочку. И даже грущу.

Мы, интелы, во многом просто люди. Мы чувствуем и мыслим так же. Это было доказано. Правда, лишь тем, что никто не смог узнать, кому принадлежит мысль или стихотворение: интелу или человеку. Было исследовано несколько тысяч текстов несколькими сотнями людей-добровольцев. Попадание было чисто случайным. Нельзя угадать, кто автор текста: интел или человек.

А, к примеру, на одном анонимном поэтическом конкурсе при опросе участников это стихотворение было почти всеми оценено, как принадлежащее интелу:

Бесконечны глубины сознания,
Когда день провалился закатный;
Я, лишенный сна, осязанья
Без конца считаю утраты.
Боль проходит, и жизнь проходит.
Утекает за каплей капля.
И искать меня больше не надо.
И звонить. Я ушел без возврата,
В вечный сумрак, в котором время
Навсегда показало полночь.
Разве можно помочь слепому?
Не любимого — можно ль вспомнить?

Но это стихотворение принадлежало живому человеку. И, наоборот, другое стихотворение, тоже почти однозначно, было определено, как принадлежащее живому:

Как волна омывает тело,
Бесконечно его лаская,
Так души я твоей касаюсь,
Нежно — нежно...

Солнца блики падают в кофе,
Пальцы тонкие пахнут терпко;
Ты с лимона снимаешь шкурку.

Я не знаю, чем пахнет море,
И о чем прокричали чайки,
Только сердце стучит тревожно
В ритме танго...

Но это стихотворение... принадлежит интелу.

В общем, еще раз была доказана идея, что интеллект человека, его душа живут своей,

отдельной и незримой жизнью, никак не связанной — или почти не связанной — с тем, что же собой представляет его тело.

Это, конечно, и так, и не так. Все мы, даже интелы, имеем внутри себя образ именно двуногого существа, дышащего кислородом и перемещающегося по суше. Если бы мы имели глаза на затылке или же щупальца, если бы мы летали или жили в земле — мы бы писали, наверное, другие стихи и думали бы иначе.

Но даже тогда мы бы не думали так, как неорганические сущности, тени. А вот если вы читаете некую строчку и никак не можете воспринять её общий смысл, а потом — следующую строчку, и ровно с таким же результатом, если и другие люди, читающие это, испытывают то же самое — то знайте, что наверняка над этой конструкцией потрудились тени. Вам станет плохо, и вы почувствуете слабость и усталость после попытки понять такую фразу, вам захочется освободиться навсегда от этого текста...

Я — интел Фред — имею чувства человека. И сейчас я очень хочу помочь этой девушке, Марии... Очень. И потому... Я стал проникать туда, куда мы, интелы, можем проникать, но стараемся не делать этого. Я стал заходить в чужую электронную почту, читать чужие файлы. Мы, интелы, запросто «взламываем» пароли. Мы — бестелесны и вездесущи: по всей системе интернета, во всех компьютерах мира мы имеем доступ... Я не знаю, как это работает, но это работает.

Я прочел письмо Николая. Он вошел в одну из социальных сетей и написал письмо Марии. Личным сообщением.

«Я не знаю, что произошло, Мария! Наверное, ты вошла в комнату, а меня там нет. Или, быть может, я умер, и ты нашла труп. Я не знаю, почему, но я стал совсем другим человеком. Увы, не метафорически, а в полном смысле. На самом деле. Я живу, существую, в другом теле...

Я знаю, что в это нельзя верить. Я бы не поверил. Но я — есть, я существую. Существую в чужом мне теле... И я такой... не могу встретиться с тобой, Мария. Всё изменилось.

Люблю тебя. Прощай. Родная, милая... Прощай навсегда.
Николай».

И что же мне, Фреду, теперь делать? Прежде всего, наверное, разобраться, что же произошло... Я пошлю письмо Николаю. Прикреплю файл... Прямо на экран его компьютера. Файл без имени...

«Николай! Кажется, в твоём прежнем теле... Теперь живет совсем другой парень. Не спрашивай: я сам не знаю, как такое возможно. Но я просто обязан теперь узнать, что же произошло. Прости, что вмешиваюсь. Твоя Мария сейчас уже много дней совсем не выходит в сеть, но раньше, до этого... Она рассталась С ТОБОЙ. Тем «тобой», который не есть ты. Это... Не очень хороший парень. Думаю, что кто-то провел некий странный и страшный эксперимент, и пока не знаю, с какой целью. Тебя с кем-то поменяли телами... Вспомни и напиши, как это случилось. Это может быть важным. Я случайно познакомился с Марией и, таким образом, встрял в это дело. Она была очень расстроена, и набрала в поисковике слова отчаяния... Я не мог не откликнуться.

Я — Фред, интел.»

И вот... Уже и ответ. Николай получил моё письмо и ответил...

«Здравствуй, Фрэд! Тогда... не говори Марии ничего. Не говори... Мне надо во всём разобраться. Как? Не знаю. Если можешь, удали каким-то образом моё письмо из сети (я слышал, что интелы иногда могут делать подобное). Где Мария, как она, не попала ли в неприятности? Теперь я сильно волнуюсь за нее. Пожалуйста, сообщи, если что о ней узнаешь. Я теперь — инвалид. Живу в соседней с Николаем квартире (не знаю, можно ли мне теперь подписываться «Николай»). Как ты думаешь, Фрэд, в моем теле теперь — сосед-инвалид? Нас поменяли местами? Зачем? Пиши мне... Я постараюсь вспомнить всё и написать, как это произошло. Фрэд, сейчас я только с тобой могу поделиться моей бедой.

То ли «Николай», то ли «инвалид Владик».

Глава 5. Ключ

— Блин! — Эйджен смотрела на Марию с досадой. — Скучно... Снова — трудотерапия, клеить коробки... Потом — сон среди дня. Жрать три раза... Бурду всякую. Я тут скоро превращусь в толстую свинину!

— В свинью, хочешь сказать?

— Ага! А есть разница?

— Наверное, в этом случае — нет. Эйджен, а кто эта новенькая из общей палаты, которая всё время плачет?

— Это? Кажется, Ангелина зовут. А что?

— Мне её страшно жаль. Что с ней?

— Она... Политическая. Боролась против несправедливости. Кажется, что-то подожгла.

— А что с Галиной, тоже новенькой, из «надзорки»?

— Та — действительно без крыши. Её скоро в нашу палату переведут. Только в нашей есть кровать свободная. У неё, как санитарки между собой говорили, «сезонное обострение», а лечить её — бесполезно; это не лечится. Чуть-чуть притихнет — сразу отпустят. Дуракам везет.

Они сидели в так называемой «гостиной»: в обширном помещении, в котором «гуляли» более-менее свободные пациенты (не из общей, «надзорной», палаты). Тут же проводили так называемую «трудотерапию», тут же выдавали пищу в открывающееся в стенке окошечко. Огромный плазменный телевизор тоже висел тут, на стене. Непонятно, для кого он был тут установлен: днем он был всегда выключен.

— Эйджен!

— А?

— Ты... Помнишь, как мы вчера кино смотрели? Про психушку. Смешно в психушке про психушку смотреть, правда?

— «Пролетая над гнездом кукушки»... Нет, я такое не люблю. Мне больше мульт про гестапо понравился.

— Ну, всё равно... Как ты думаешь, если, действительно, всех, кто здесь сейчас, куда-нибудь на волю, на море, в лес, в нормальные условия жизни — быть может, у всех у них психика восстановилась бы?

— Не знаю. Вряд ли. Хотя... Кто его знает. Это был бы совсем другой мир.

— Иногда я хочу в другой мир. До того хочу, что даже согласна была бы умереть.

— Это — моя область. Это — я суицидник. А ты... Ещё помиришься со своим Николаем.

— Правда?

— Всё может быть.

— Сегодня — тоже попросимся кино ночью смотреть?

— Ага. Сегодня Настенька дежурит. Я её почти что люблю. Она разрешит.

— Смотри, кажется, снег падает!

— Действительно!

Они подошли к окну.

— Говорят, здесь стёкла особые. Бронебойные. Не вышибешь. Ты кромсала когда-нибудь тонкое стекло руками? Ну... Если бокал в руках сильно сжать...

— Нет, — Марию передернуло.

— А это — толстое... Или же — высокопрочное. Одна пациентка в «надзорке» подбежала к окну и успела удариться об него всем телом.

— И — что?

— А ничего. Оттащили и привязали к кровати. И магнезию вкололи. А стекло не разбилось.

— Хочешь, я тебе ещё одну тайну открою. О себе, — помолчав немного, сказала Эйджен. И, не дождавшись ответа от задумавшейся Марии, добавила:

— Я стихи пишу. Иногда. Сегодня тоже написал. О тебе. Прочешь?

— Наверное, не надо.

— Почему? Боишься, что не понравятся?

— Ага...

— Чушь. Слушай:

Ты — роза печали ясной.

А я — чертополох на поле.

Судьба тебе — быть прекрасной.

А мне — быть грозой и болью.

Ах, если бы мне не думать,

И не завидовать чёрно.

И не душить тебя дурью,

И не издеваться томно.

Ты — словно звезда в ненастье.

Но мне не нужны звёзды.

Влюбляться в тебя — напрасно.

Но и не влюбляться —

Поздно.

— Перестань, Эйджен! Ты фантазируешь, но я-то здесь при чем? Слова — это просто вода. И чувства — просто вода. Но, бывает, отрываешься от берега, и плывешь по ним вдаль; что напридумываешь, вообразишь — то с тобой и случается... Мы придумываем любовь. Иногда — так нелепо придумываем... Я не звезда и не роза, Эйджен. Я — пациентка психушки. Мы обе — пациентки психушки.

— Вот ты и проговорила: «обе»... Ты считаешь меня обычной девушкой? Только, у которой поехала крыша... Ты скоро, наверное, посоветуешь мне, как это делали другие, одеть красивое платье и танцевать перед зеркалом, внушая себе, что я — принцесса?!

— Я не верю в вербальную мотивацию, в аффирмации там всяческие и подобную чушь... Я не знаю, что нужно тебе в этой жизни. И не хочу тебя учить. Будь собой. И делай, что хочешь, но не цепляй других, тех, кто абсолютно ни при чем. Я пройду мимо, и, когда это произойдет, то недели через две ты забудешь обо мне, что я вообще была. Просто тебе здесь скучно и нечем заняться.

— Противная! А если я отыщу тебя после, на свободе?

— Это будет — не к добру. Мне тут уже говорили, что ни с кем, когда выйдешь, лучше не поддерживать отношений, не встречаться: примета плохая. И, конечно же, ничего здесь не

забывать.

— Это Люська из соседней палаты сказала?

— Наверное.

— Она — знает, она здесь — не первый раз. Её муж сдает. Сам доведет до истерики, а потом — сдает. В этот раз она деньги в окно швыряла. Жаль, меня тогда под тем окном не было... А ты сильно не хочешь сюда больше попадать?

— Конечно.

— Что, такая уж «нормальная»? А сама... Придумала себе своего Николая.

— Может быть. Ну и что? Зря я тебе свою историю рассказала...

— Прости. Кажется, ты сейчас и вовсе заплачешь. Я не хотел. Хочешь, лучше развлечемся? Давай, заключим пари.

— Какое?

— Что ты не проговоришь с Галочкой и получаса. Или — убежишь от неё, или — свернешь себе мозги.

— А... Зачем мне это?

— Если проговоришь с ней полчаса, то только тогда я упрошу Настю, чтобы мы сегодня ночью телек смотрели в гостиной. И... я обязательно потырю ключ.

— У тебя уже больше недели это не получается.

— Сегодня вахтерша из приемной пойдет день рождения отмечать в процедурку, они там соберутся. Стопудово ключ можно будет взять, легко. И главврач наша сегодня не дежурит, дежурит врач с мужской половины. Ну что, поговоришь с Галочкой?

— А если я не выдержу, и побегу от неё?

— Ну... Сейчас придумаю для тебя кару...

— Только, чур, если, наоборот, она от меня уйдет, ей надоест болтать — то это не в счет.

Ничья.

— Ага! Только, она не смоеется. Она будет лапшу тебе на уши вешать, пока не умрет. Или, пока санитары не оттащат. Она здесь уже три дня, и все её просто боятся. И пациенты, и санитары.

— Всё же, условие в деле. На всякий случай.

— Ага! И — да, я придумал: если проиграешь, то пишешь под мою диктовку любовное письмо парню из дурки по кликухе «физик», кажется, его зовут Альберт.

— Ладно; развлеку этим всю психушку?

— Ага!

— По рукам!

Галочку привели в их палату в полдень, и она сразу же «набросилась» на Машку, поскольку та её сразу не «отшила», а слушала вежливо, внимательно, изредка понимающе кивая. Вскоре они вместе вышли из палаты и сидели в гостиной, на диване, а напротив них, на дальнем кресле, пристроилась Эйджен, которая периодически ехидно поглядывала на настенные часы.

— Гитлер, Геббельс, Гимлер, Геринг — буквы «Г». Причем, их четыре... Они образуют устойчивый квадрат. Буквы эти похожи на виселицу... Но, ещё я тебе скажу, что существуют две земли, но другая находится строго напротив, и вращается с той же скоростью, что и наша, вокруг Солнца... А, как ты думаешь, что такое Солнце? Это — «С», полуокружность.

А Земля — это «З», две полуокружности. Значит, должно быть две Земли... Сатурн —

тоже «С», но у него есть кольцо. А Марс — «М», мёртвая планета. Но, дело не в этом. Буква «С» — она, как Луна. А Луна, когда она — месяц, то у неё два рога. А что такое «рог»? Смотри: Сварог, творог, пирог, единорог... Единорог — это, понятно, один рог, творог — это «сотворенное» — «тво», рогом — «рог». Рогатый скот дает нам творог. А пирог — это число «пи» от рогатых: то есть, три целых, четырнадцать сотых — та часть «рогатых» продуктов в пироге, то есть, масло и молоко, которые кладут в пирог, а остальные части составляют мука, яйца и прочее... Это же так просто! Древняя мудрость зашифрована! А Сварог — это бог скота, то есть объединяющее «сва», как в слове «свадьба», плюс «рог» — то есть, рогатый. Сварог — рогатый бог. А рога — это мудрость. Буква «Р» — это закругленная буква «Г». Она побеждает «Г», и потому Россия победила Германию. Вот тебе и Сварог! Мудрые были древние, они свою энергетику за слова спрятали!

— Ага! Открываешь слово, а там — два отделения, — пошутила Машка, процитировав «Алису». Она с надеждой посмотрела на часы. Оставалось ещё пять минут.

— Вижу, что ты меня понимаешь! — оживилась Галина, не заметив шутки. — А многие от меня убегают. Почему? Потому что боятся понять, что я права. Они нас боятся, и потому заключают нас сюда. Боятся! Значит, мы сильнее их. Мы — больные, они — здоровые. Им здорово, а нам — больно. Потому, что мы сильнее чувствуем этот мир, но не всегда можем об этом чувстве сказать. Мы бьемся в стекло, которое нельзя пробить.

Машка не смогла скрыть удивления. Фраза показалась ей вполне осмысленной и даже правдивой. Она взглянула на Галину широко распахнутыми глазами.

— Ну да... Ты всё думала, что я — дура? Знаешь, как я сюда попала? Приехала к тётке, стою на вокзале... И вдруг... Внезапно ощутила всё вокруг. Что думает каждый человек, проходящий мимо, что чувствует пробегающая собака, о чем птицы щебечут... Я не смогла всё это — одновременно — переработать, осознать... Мой мозг перегрелся, и я упала на пол и стала биться в судорогах... А у меня в это время сумку украли. А там — деньги, документы... Хорошо, плеерфон в кармане остался. Врачи тётке позвонили. Она меня скоро заберет отсюда... Да. Вот так... А врачи... Смешные! Они думают, что я — идиотка. Спрашивают, где, мол, я думаю, я сейчас нахожусь... Да знаю я, что в дурдоме! Тоже мне, Америку открыли. Ну... Ладно. Пойду я спать. Потом еще поговорим, — и Галина встала и, слегка стиснув Машку за плечи на прощание, заковыляла к палате.

Мария глянула на часы. Их разговор длился тридцать две минуты. Она победила!

— Ну ты, Машка, даёшь! Мозги не поплавились? — Эйджен смотрела на неё с некоторой ехидцей.

— Нет. Вроде. Это было сильно... Неплохо для эксперимента. Теперь только — скинуть бы всё это с себя...

— Лапша пригорела? Ха-ха. Но её, похоже, ты привела почти что в норму.

— Беседой?

— Пониманием... Снимаю шляпу.

— С тебя теперь — ключ.

— Ага!

Они смотрели в эту ночь какую-то слезливую мелодраму про колонию на Марсе и любовный треугольник ученых — озеленителей.

Но, почти ровно в полночь, мимо них прошествовала вахтерша к «дежурке».

— Пора! Она ушла! Я иду на дело. Жди, и пожелай мне удачи.

— Удачи!

Эйджен соскользнула с кресла и отправилась к входным дверям, поглядывая на пост «дежурки».

Вскоре она вернулась и показала ключ.

Они двинулись по коридору в сторону туалета. У «дежурки» никого не было. Больные в «надзорке» спали, а медсёстры, наверное, действительно пошли все в процедурную — отмечать День Рождения.

Эйджен подошла к кабинету врача и вставила ключ в замок. В полной тишине явственно раздался скрежет металла о металл. Дверь открылась, и они вошли вовнутрь. На столе, конечно, был комп.

— Я знаю пароль, — сказала Эйджен, — Ура! Машка, закрой плотно дверь!

Прежде всего, Эйджен засела за комп сама. Она ввела пароль, а затем закричала: «Ура! Работает!» Эйджен вошла во все социальные сети, в которых только была зарегистрирована, слала всем знакомым приветики, сообщала, где она и обещала «не сдаваться», при этом «непрерывно и обязательно, несмотря на препятствия, вскоре продолжить дело суицида и непременно переправиться в мир иной».

«Это у неё — игра такая», — подумала Мария.

Вскоре, всё же, и она сама оказалась за компьютером.

— Спасибо! Я уже и не надеялась, — сказала она Эйджен.

— Да, не прошло и полгода, — ответила та.

«Здравствуй, Фрэд. Это — Мария», — тут же набрала она прямо в поисковике. И он отозвался мгновенно.

«Где ты?» — появилось на экране.

«В больнице. А конкретно — в психушке. Объяснять долго».

— Ну, так не интересно: я думал, ты со своим Николаем будешь беседовать, а ты с каким-то Фрэдом, — комментировала сзади Эйджен.

«Мне нужно тебе кое-что сообщить. Это — важно. Зайди в почту. Там — письмо от Николая тебе. Ты не сможешь в это поверить, но его, похоже, с кем-то поменяли телами. Он теперь в теле совсем другого человека, инвалида», — сообщал Фрэд.

«Бред... Зачем и кому это нужно?» — набрала Мария, но у самой похолодело внутри.

«Зайди и прочитай его письмо. Я обещал его удалить и сделал это, как попросил Николай. Но сам до этого скопировал его тебе. Даже мы, интелы, не всеведущи, но похоже, это правда. Дело пахнет криминалом. С тобой в последнее время не происходило ничего необычного?»

«Происходило. Пропал паспорт, чуть не вырезали почку. Или не случилось чего и похуже. Поэтому, я специально „сдалась“ сюда. Не знаю, что делать. Плейерфон у меня отобрали со всем остальным при входе. Не смогу быть в сети снова. Сейчас я стучу из кабинета главврача, куда мы проникли тайно. Фрэд, SOS!»

«Еще бы не SOS... Если бы я только мог помочь... Но, читай письмо. Боюсь, что всё сказанное в нем — правда. Твой Николай теперь в теле инвалида и в большой опасности. Войди в майл. Я прикрепил тебе в своём письме файл. Файл „Без имени“. Это — письмо Николая».

Мария тут же вошла в почту и вскоре читала: «...Люблю тебя. Прощай, родная, милая. Прощай навсегда... Твой Николай».

Слёзы текли по её щекам. А она всё сидела и сидела, тупо уставясь в экран.

Наконец, она вздрогнула и оглянулась.

За спиной её стояла Эйджен с лицом бледным, как мел.

— Уходим отсюда... Выключаем комп, — только и сказала она, — Мы и так задержались. Дела...

Вскоре они обе потихоньку вышли и закрыли кабинет. И тут же застыли...

Дверь на другую, мужскую, половину, обычно закрытая, только что была распахнута. В её проеме стоял молодой врач в синем халате, с капельницей в руках. Челюсть у него отвисла от удивления.

Но потом он отставил в сторону капельницу и подскочил девчонкам, тут же хватая обеих за шиворот. Он оттащил их к дверям на мужскую половину, втянул их за эту дверь и только там ослабил хватку.

— Тихо! Не будем шуметь, но вы должны всё мне объяснить, — при этом, он отпустил их, вернулся, забрал капельницу и указал рукой по направлению к своему кабинету.

— Я сегодня — дежурный врач и должен знать обо всём, что происходит. Я отвечаю за территорию всей больницы, а не только мужской территории. Что случилось? И... давайте ключ!

Эйджен полезла в карман, и вскоре протянула ключ ему.

— Хорошо. Итак..., — он уставился на неё, требуя рассказа, как на главную зачинщицу происшествия, — Рассказывай.

И тут Эйджен стала сбивчиво говорить о том, что хотела помочь Марии помириться с Николаем, из-за ссоры с которым и истерики, как она подумала, Мария и попала в психушку. Эйджен теперь говорила о себе по нормальному, в женском роде

— Но Мария, как оказалось, рассказала мне не всё, и Николай оказался вовсе не Николаем, а каким-то инвалидом. Так сказал интел, — продолжила она. — А обмен телами, возможно, кем-то и был осуществлен: я слыхала об экспериментах, связанных с «подсадкой» интелов на тело человека-хозяина, правда, неудачных и без ущерба для этих людей, в чьи тела собирались посадить интелов. Я считала, правда, что это всё — фантастика. Короче, если такой обмен и возможен, то непонятно, кому он нужен...

Врач выслушал этот поток речи, не перебивая её, и заговорил, только когда Эйджен замолчала.

— Так, — сказал он, — Я сейчас отнесу капельницу, верну на место ключ и отведу её — и он указал на Эйджен, — В палату. А с тобой, — и он посмотрел на Марию, — Мы побеседуем отдельно. И... чтобы никто из вас никому и ничего об этом беспорядке, иначе у вас будут очень большие проблемы. Поняли?

— Ага, — сказала Эйджен, а Мария лишь кивнула.

— Жди меня и не дури, — сказал врач и вышел, прихватив капельницу и поманив за собой Эйджен.

Та, с жалостью взглянув на Марию, вышла.

А врач вскоре вернулся, тихо вошел и сел за стол, возле которого, на стуле, сидела Мария. Он посмотрел на неё очень внимательно и тихо сказал:

— А теперь, Маша, рассказывай. Ты... не знаешь, насколько это может быть важным. Пожалуйста, расскажи всё с самого начала.

И она сбивчиво рассказала обо всём, начиная с той самой вечеринки, когда Николай стал чужим ей человеком. Особенно внимательно этот странный врач выпрашивал о той самой «больнице», в которой Маше чуть не вырезали почку и о том учреждении, в котором

ей должны были продать какое-то вещество, необходимое для рентгена. Но как раз об этом она почти ничего не помнила: где, в каком районе города это происходило, как выглядели люди, которые с ней там общались...

После рассказа Маши врач долго молчал. Потом сказал:

— Знаешь, что... Я тебя выписываю. Сейчас же. Мы идем вниз и забираем твои вещи. Ты выходишь за ворота больницы, я тебе их открою, и ждешь там машину. Она вскоре подъедет, это будет черный внедорожник. Водитель спросит тебя: «Девушка! Вы продаете цветы?», и ты ответишь: «Нет, сейчас еще не цветут орхидеи...» Запомнила пароль?

— Да.

— Ничему не удивляйся. Верь мне. Тебя повезут в хорошее место, к хорошим людям. И... ты им всё расскажешь, как сейчас — мне. Поняла?

— Да.

— Тогда — вперед...

— Единственная проблема... У меня из вещей — только халат и тапочки.

— Дам тебе свою куртку и подыщу что-нибудь из старой обуви персонала, в чулане. Уходить тебе отсюда нужно срочно. Согласна?

— Да.

Глава 1. Долгий выходной день

Она потянулась и растерянно оглядела свою комнату. Это была очередная съёмная хатка, маленькая и неудобная. Тесная, невзрачная комнатка, просто камера хранения для уставшего тела. Фанни сняла её совсем недавно. Съезжать с прежнего жилья нужно было срочно, и потому ей пришлось быть не слишком привередливой. Хозяйка комнаты, скорее всего, подумала, что очень удачно и дорого сдала комнатку молоденькой и наивной дурочке-студентке...

Фанни сегодня совсем не хотелось вставать. Так, просто потому, что не хотелось вновь ощутить себя в этом, якобы реальном, мире с его вечными и докучливыми проблемами. Конечно же, самыми насущными. Первоочередной из которых была проблема поиска очередной подработки. Да, ей предстояло снова искать работу. А на прежней она продержалась всего лишь неделю. Недолго музыка играла...

Вчера, уже поздно вечером, ей неожиданно позвонил хозяин. Его гневный голос резко проорал ей в ухо, отдаваясь внутри черепа звуковым новомодным стереоэффектом, вмонтированным во все теперешние плеерфоны:

— Можете завтра больше не выходить!

— Но вы же сами сказали, что я завтра с восьми! — робко возразила Фанни.

— Нет! Ты мне больше не нужна! — и её наниматель резко оборвал свой звонок, явно не желая ничего больше слушать.

Тогда Фанни растерянно положила плеерфон на сиротливую прикроватную тумбочку и сразу же осознала, что с завтрашнего дня она вновь безработная, и что ей, по всей видимости, вовсе ничего не заплатят за уже отработанную в магазине канцтоваров неделю. Странная вещь... Первое чувство, которое она испытала — облегчение. Завтра не надо идти на работу!

Но сегодня будущее предстало ей уже совсем в другом свете. Когда она, наконец, выбралась из кровати и сползла вниз, на палас. Почему-то ей нравилось сидеть там, на паласе, опираясь спиной на край дивана. Быть может, потому, что у этого дивана, который хозяйка называла «софой», спинка была низкая и крайне неудобная; к тому же, хозяйка намекнула, что, если она сломает эту хлипкую конструкцию, то будет выплачивать ей сумму на покупку новой мебели. Фанни запрокинула назад, на мягкое сидение, голову, а потом, помедитировав так немного, пошла и заварила себе матэ. Снова присев на прежнее место, она взяла поставленную рядом с собой, прямо на пол, тыквенную калебасу, и, медленно попивая свой утренний напиток, начала припоминать в подробностях вчерашний день... Что же она сделала не так на этой проклятой работе?

Вроде бы, всё было так же, как и всегда. Ленка Мегадед, ругающаяся матом через каждое слово, не со зла, а для связки слов в предложении, — была на кассе. А Лана вместе с ней, Фанни, обслуживала покупателей. А в их отсутствие она постоянно напевала неизвестные Фанни ультрасовременные молодёжные реповые песни. В её исполнении, как ни странно, они показались Фанни даже ничего. Лана была стройной, даже слишком тоненькой, девушкой с крупными и выразительными серыми глазами. Нервы, правда, у неё совсем сдали, и Лана нервно и плаксиво, взхлёб постоянно откровенничала с Ленкой о своём парне, который её бросил: «Он никогда не разрешает ни с кем гулять, даже с подругами. Недавно мы вместе шли по улице, так он сильно ревновал меня даже ко всем

проходим, и всю дорогу молчал. А когда на меня смотрели проходящие мимо парни, он вертелся, как уж на сковородке. А дома он бьет меня: и за невытую посуду, и за позднее возвращение с работы. Даже тогда, когда я просто не вовремя подошла к нему сзади, чтобы обнять, когда он был весь целиком в компьютере... Он вскочил, как ошпаренный, и гневно вопил, чтобы я больше так никогда не делала. И это не смотря на то, что наш роман начался так душевно и трепетно: цветы, ночные прогулки, мой выпускной вечер в школе... Это — еще на родине, до того, как он уезжал. Он был где-то в партизанах, в какой-то разведгруппе. А потом, он даже в Питер ради меня приехал. С тех пор мы так и живем вместе: со мной и моим братом он снимает трехкомнатную квартиру...»

«Рано сейчас начинают практически семейную жизнь почти все молоденькие девушки — лет в пятнадцать — семнадцать... Жуть! Они же совсем ещё дети, — подумала Фанни. И Лане, и Ленке было по семнадцать, и они уже пережили по несколько совместных жизней с парнями, когда они стирали, мыли посуду, вместе снимали жилье — даже, еще обучаясь в школе, они проходили и через это, и через бурные расставания... Фанни вдруг показалось, что эти юные девушки знают о жизни уже гораздо больше неё. Например, Ленка училась в медицинском училище, и лишь подрабатывала в этом киоске — дома одной ей, видите ли, было скучно, и она стремилась быть всегда на людях. Ленка видала уже и роды, и смерти, и операции. Она училась на «отлично» и собиралась после окончания медучилища отправиться служить в горячие точки, о чем пока не спешила сообщать родителям: по распределению она могла бы спокойно остаться здесь, в Питере.

Ленка была очень толстая, просто колобок, маленькая, но на лицо симпатичная и при такой комплекции совершенно без комплексов. Она имела какое-то неизлечимое заболевание, сильно осложнявшее ей жизнь, и постоянно глотала таблетки — как она сама поделилась с Ланой, отец Ленки получил в молодости сильную дозу облучения. Инвалидность ей, однако, не дали, хотя и были должны, и денег её семье на ребёнка не платили — сочли их достаточно обеспеченными. Но, когда Ленка краешком глаза просматривала свою карточку, заглядывая через плечо участковой медсестры, то с удивлением обнаружила, что по документам якобы несколько раз посетила шикарные пансионаты и курорты и даже побывала на далёких островах по льготной путёвке. Видимо, кто-то другой, как сказала она сама, «пропутешествовал на оформленные на меня дотации, или же получил халявные деньги»...

Несмотря на свою комплекцию, Ленка была очень подвижным, неуёмным и зажигательным существом, имела множество парней и ещё больше воздыхателей. «Да, ей будет скучно в простой, житейской атмосфере, она вся здесь — в событиях вокруг себя. Наверное, действительно, горячие точки — это её будущий выбор и судьба», — подумала вдруг Фанни.

Потом она приостановила поток ушедших в сторону размышлений и решила пересмотреть только непосредственные подробности вчерашнего дня. Вот девчата вышли покурить, оставив её временно одну... Покупателей не было. А между ней и ими, уже освоившимися на этой работе, как-то с первого же слова не заладился контакт, не возникло никаких отношений. Девушки интуитивно почувствовали её чуждость всему этому миру в целом и конкретно их молодёжному миру в частности, а последней, хотя и далеко не единственной каплей отчуждения был тот факт, что Фанни абсолютно не курит: не только травку, но даже и простые сигареты. Кроме того, когда она пришла на эту точку, сдури сказала, что ей двадцать. Для девчонок она сразу же стала слишком взрослой и слишком

странной. Оказалось, что в этом ларьке стихийно подобрались лишь девочки от четырнадцати до восемнадцати.

Именно в то время, когда Ленка и Лана вышли на ступеньки покурить, сюда и нагрянул хозяин ларька, Семён Петрович, пожилой и вечно чем-нибудь недовольный человек. Он, выругавшись при входе на девчонок и продолжая бурчать что-то себе под нос, долго копался в букинистических книгах, тех, которые сдали сюда на этой неделе. Ему надо было оценить их и разложить по разделам. Покончив с этим, он заставил Фанни (которая здесь представилась Олимпиадой, а документов никто на этой работе не требовал) и Лану выравнивать учебники на полках и наклеивать везде на товар ценники, если обнаруживал их отсутствие. Рассердившись еще больше от выявленных беспорядков, Семён Петрович заставил Лану открыть стеклянный шкафчик. Он занимал всю глухую стену и служил витриной для выставки товара. Хозяин приказал Лане убрать с полок витрины выставленные иконки. Их, с не дюжим упрямством, громоздила туда жена хозяина, Раиса Сергеевна, но влетало за это всякий раз работницам ларька: об этом Фанни уже слыхала.

— Что здесь, богадельня, что ли? — вновь орал Семён Петрович, брызгая во все стороны старческой слюной. — Выставь лучше магнитики с видами города, для приезжих. Сейчас — их сезон, они должны хорошо расходиться!

Лана, крепко стиснув губы и нервно подрагивая всем телом, незамедлительно кинулась выполнять поручение хозяина, который, как только она закончила, послал её в подсобку за лестницей и заставил влезть на самую верхнюю полку и поправить стоящие там рюкзаки.

— Ещё одно замечание — и я тебя уволю! — пригрозил он гневно, в этот свой приход избрав своей жертвой именно Лану.

Когда хозяин, наконец, ушел и оставил работниц одних, Лана заплакала.

А чуть позднее, вдобавок, обнаружилось, что она впопыхах засунула куда-то ключи от витрин. Искали их потом все — и нигде они не обнаруживались, как в воду канули.

— Мне нужна эта работа. А он меня уволит! Он и так мной не доволен! — хлюпнула носом Лана. — Мой парень больше не будет давать мне денег на питание, да и мою долю за хату, а мне скоро платить, — сквозь слёзы, с надрывом, добавила она.

— Я забыла, ты говорила мне или нет, где ты учишься, на кого? — спросила вдруг Ленка.

— На технолога. Заочно, — тихо ответила Лана.

— А ты где-нибудь ещё до этого работала? — продолжала опрос Ленка.

— Да. У себя в городе — ди-джеем. Я на гитаре умею играть, петь. А еще, уже здесь, студенткой, работала на теплоходе официанткой. Туда только студентов набирали, на лето. А потом — тоже официанткой, в баре. С ночными сменами, и потому мне мой парень там работать запретил. Ревнивый он очень. Вдобавок, один раз он на работу ко мне нагрянул... Скандал устроил.

Немного подумав и попивая чаек, Фанни сообразила, что о потере ключей, видимо, девочки сообщили хозяину после её ухода и свалили всю вину на неё... Тогда поведение хозяина было бы понятным, и все становилось на свои места. Но закладывать Лану, звонить хозяину, ей абсолютно не хотелось.

Тем не менее, теперь, с утра, будущее предстало ей не свободой, как вчера, но со всеми оттенками ожидаемой мрачности. Итак... Официальная работа ей, естественно, не грозила. Фанни ухмыльнулась...

Фанни — это не имя. Это ник в интернете. На всех ресурсах, на которых она

появлялась, она давно уже подписывалась именно так. А по паспорту она когда-то была... Ульяна Ромуальдовна Флик, 11 марта 1957 года рождения. Да, именно так... Она родилась сто один год назад. Вечность назад...

Вместо паспорта, впрочем, давно уже действовали вживленные в ладонь чипы. Полная чипизация населения произошла в 2020-м. Но при устройстве на нормальную, хорошую работу всё равно требовали именно паспорт. Который у нее, как и прописка, полностью отсутствовал, как и у многих других «категорий населения», не имеющих личного жилья.

Значит, теперь снова придется ей обзванивать различные конторы... «Вам требуются фасовщицы?» — «Да, но скажите, сколько вам лет?» — «А до сколько вы берёте?» — «До тридцати»... Ей можно было устраиваться лишь туда, где не спрашивали возраст, и, следовательно, не требовали показать паспорт и прописку... При этом, такие, не официальные работы без оформления, редко бывали относительно терпимыми...

За время своей жизни она довольно нормально и полностью официально работала только до пятидесяти с небольшим — до времени развода со своим первым супругом. Это был обычный, в меру скучный и в меру нищий брак. И просуществовал он до тех пор, пока её первый муж не увидел, что его жена выглядит гораздо моложе него самого, что вызвало в нем острое желание омолодиться и начать новую жизнь. Он, будучи вузовским преподавателем, стал устраивать randevu со студентками и даже ходить на дискотеки. После пары лет такого беспокойного брака Фанни первая предложила мужу развод, на который он легко согласился. Их уже взрослые дети жили к этому времени отдельно. Муж вскоре получил квартиру по наследству, завещанную ему престарелой теткой-девственницей. А Фанни была вынуждена выписаться из общежития «в никуда». В этом общежитии она до этого момента «временно» проживала со дня свадьбы. Чтобы получить общежитие, надо было выписаться от родственников; обычную же прописку в дальнейшем сменили на временную. А проживать ей в общежитии было дозволено лишь по работе мужа, преподавателя местного вуза и декана факультета. Поэтому, выселенная из общежития, она оказалась без какой-либо прописки вообще.

Выписанная «в никуда», она решила уехать в другой город. И выбрала Питер. Но до этого съездить в горы. И эта поездка несколько затянулась...

После пятидесяти с небольшим Фанни не просто продолжала очень медленно стареть, как это было раньше. Нет, в один прекрасный момент она внезапно пережила полную трансформацию тела. Это произошло летом, в одной деревне, в тех самых горах, куда она подалась отдыхать и где очень дешево сняла изолированную часть деревянного домика с туалетом на улице. Она осталась там на всё лето и даже часть осени, переселившись позже и в вовсе бесплатную избенку одного доброго лесника. Этот, данный ей на проживание, домик был расположен на отшибе, в лесу, среди нескольких других домиков, предназначенных для охотников и лесников, но в то время в нем никто не жил.

Фанни плохо помнила как то, что с нею случилось в той избушке, так и всю свою «прошлую» жизнь. Она вспоминала лишь иногда, безотчетно, урывками события той, «прошлой», жизни. Отчетливо запомнила она лишь то, как лежала на топчане со старым матрасом, в комнатке с деревянными полами и маленьким окошком. У неё неожиданно поднялась температура, её бил озноб... Не было никаких таблеток, ни аспирина, ни антибиотиков, и сил встать не было тоже. В конце концов, от физической боли и преследующих её до бесконечности глубоких личных переживаний, перевариваний событий жизни, перешедших в бред, она и вовсе, наконец, отключилась...

Через несколько суток, как она просчитала позже, Фанни проснулась. Самое первое, что она почувствовала, была острая зубная боль, как во время роста зубов мудрости... Один за одним у нее расшатывались и выпадали зубы. Под ними начали пробиваться новые. Сильная температура и лихорадка продолжались.

Но... через несколько дней она вышла в прихожую и посмотрелась в маленькое, старое зеркало без рамки, висевшее над ручным рукомоёмником, в который сверху подливалась вода. Ей было гораздо лучше, лишь слабость и легкое головокружение...

Фанни не узнала себя. Вернее, вот теперь она и была собой. Прежней Фанни, какой всегда была по внутреннему ощущению: девушкой с каштановыми, слегка вьющимися волосами и зелёно-кариими глазами с длинными ресницами. Худой, изможденной, но... Молодой.

Она тотчас покинула тот съёмный дом в горах, оставив доброму хозяину — леснику ключ там, где он просил его оставить, когда Фанни соберется в обратный путь: прямо на калитке его забора, на маленьком крючочке. Полностью измененная, она пешком отправилась к ближайшей трассе, искать «попутку» до ближайшего населенного пункта.

Второй муж Фанни... Неофициальный, конечно... Она его уже плохо помнила, хотя они прожили вместе более десяти лет. С ним она познакомилась уже в Питере, после своего изменения. В одной милой компании. В то время она жила в Питере не официально и искала такую же, не официальную, работу.

Он был художником. За первого своего мужа Фанни писала некоторые научные работы и переводила тексты с английского, французского и немецкого для диссертации, а благодаря второму, научилась хорошо рисовать. Она когда-то раньше окончила художественную школу, но теперь освоила новые техники живописи и работы пастелью и сангиной, и вскоре они работали в четыре руки за подписью работ только его именем, поскольку у него было какое-никакое имя и широкий круг связей. Этот художник был весьма странным типом: не только в то время, когда они оба были опьянены страстью (Фанни, почувствовав новую молодость, вела первое время себя несколько безумно), но и все последующие годы его никогда не интересовало, сколько ей лет, кто она и чем занималась прежде. Он был весь в искусстве; в конце концов, он стал вести какую-то студию для новичков, снимая площадь в бывшем ДК, и у него появилось множество девушек-поклонниц и моделей. После чего, Фанни ушла, не прощаясь и не оставив ни записки, ни координат.

Ей во все те годы, когда она жила вместе со своим художником, уже не грозило никакой более-менее сносной работы по причине престарелого возраста и полного отсутствия после чипизации паспорта (его выдавали только тем, у кого была прописка). Чипизация же была делом чисто техническим: она сдала свой паспорт без прописки и получила чип в руку. Идентификационный номер...

Новые паспорта выдавали по месту прописки, каковая у нее отсутствовала. После 2020 года некоторое время их еще требовали предъявлять на любой работе, кроме всяких «промоутеров», курьеров и прочих вариантов так называемой «подработки». Но вскоре стало достаточно идентификационного номера и отпечатка пальца на матовой табличке, а личные сведения о себе каждый мог держать в тайне: возраст, пол... На некоторых, хотя и не слишком надёжных работах, теперь этих поверхностных данных о будущем работнике было достаточно. Поскольку было достаточно того, что работник не объявлен в розыск и ничего не должен налоговой службе.

После третьей, очень краткой попытки еще раз устроить личную жизнь (а вернее, еще

одного стихийно возникшего романа), Фанни решила больше не обжигаться. Ведь её странность, как она поняла, теперь была очевидной... Как и её будущее одиночество.

С тех пор она жила только одна, на съёмных квартирах, в чехарде сменяемых как в калейдоскопе разнообразных подработок... Безумная, ненадёжная, съёмная жизнь, будто выданная напрокат самим богом, почему-то забывшим забрать её на тот свет.

Весь этот мини-перепросмотр мельком пронёсся в мыслях Фанни... Но самым противным для неё всегда было вновь искать работу, просматривая объявления. Чем занялась она и теперь, для начала выйдя в интернет. «Срочно требуется секретарь, девушка 18–20 лет без в.п.» Да, она — вполне без в.п., если не считать вредной привычкой желание поспать на столько подольше, насколько это возможно. И фигурка у неё ничего. Только, на этой работе — ну, уж точно, потребуют паспорт. Такие вещи она определяла уже на уровне интуиции. И вообще, ей надо было искать только непритязательную работу с лёгким надувательством и недоплатами сотрудникам, но без долгого оформления. Без официоза в этом оформлении. И, тем не менее, не влипнуть в очередной раз, не попасть туда, где захотят и вовсе полностью «кинуть на деньги». И найти подходящую работу, пусть и тяжелую, было достаточно трудно.

«Нет, сегодня я буду просто отдыхать, — через несколько минут интернет-объявлений подумала Фанни, — Пусть при этом происходит что угодно, пусть даже на меня рухнет потолок... Завтра!»

Она встала, устроилась поуютнее, завернувшись теперь в одеяло, и снова взяла в руки компьютер. Вот они, наконец: послания, сообщения, фотки, кошечки-собачки, среди которых — и ее собственные литературные опусы и стишки, сочиняемые в жалких потугах уйти от реальности. Она то высылала их на различные литературные конкурсы, то вывешивала просто так, и они болтались повсюду, на разных сайтах, в сети... Везде, где она «существовала» в сети, она была Фанни.

Некоторые ЭМЧ-личности (ЭМЧ — электронная модель человека; по другому, интелы: похоже, слово, оставшееся от понятия «сохраненные в базе интеллекты»), постоянно теперь в интернете интересовались Фанни.

«Интелы что-то слишком часто принимают меня за свою и спрашивают, почему я так часто исчезаю с того или иного сайта... „Вам не интересно здесь, с нами? На какой сайт вы уходите?“ К чему бы это?» — подумала она. Ей льстило внимание к ней интелов, но оно и пугало её. Ведь, как известно, интелы, искусственные интернет-личности, содержали в себе продолжавший развиваться и жить самостоятельной жизнью интеллект людей, многие из которых при жизни были известными писателями или учеными...

Конечно, смерть носителя реального интеллекта не была обязательной для создания интела. Но большинство из людей давали жизнь в сети своим интелам только после своей смерти, по завещанию, не желая встретиться с самим собой на просторах интернета. Все, кто «записывал» с себя своего интела, делали это, конечно, при жизни, тем более что эта, хотя и дорогая, процедура была разрешена каждому, причем бесплатно. И такая запись хранилась на базе, в специальных «ящичках». Но... Существовали потом, запускаясь в сеть, на просторах интернета, только те интеллекты, которые смогли там выжить. Которые могли постоянно обитать в интернете. А это были только интелы людей с высоким духовным потенциалом. И эту суть вещей не могло изменить ни наличие титулов и званий, ни высокая при жизни должность...

А потому, узнать, жизнестоек ли в сети записанный тобою интел, еще при жизни, отваживались немногие люди. Да, большинство завещало запустить своего интела в сеть

только после собственной физической смерти... Потому, отчасти интелы были своего рода «мертвыми душами».

Впрочем, существовали и некоторые отважные смельчаки, запустившие интела в интернет еще при своей жизни, и теперь с удовольствием общаясь там с ним за чашечкой кофе. «Приятно с умным человеком в шахматы играть», — как высказался один шахматист в ответ на вопрос, почему он активировал своего интела еще при жизни.

Конечно, появились и религиозные соображения, связанные с интернетом, и даже движение «технорай», сторонники которого считали, что активировать интела в сети нужно в момент смерти человека, и тогда его душа навечно перейдет в сеть. Но, в общем, жестких противников содержания интелов в сети не было. Прежде всего, потому, что те были безобидны и полезны. Самое опасное, что интел мог «натворить» — так это сыграть с кем-нибудь безобидную шутку. Пользы же от интелов было гораздо больше. Они служили людям, помогая разрешать новые и новые задачи, причем, их интеллект, в отличие от интеллекта живых профессоров, не нуждался в поддержке пищей и не требовал других расходов. Они были бескорыстны и деятельны, эти «несуществующие» мозги.

Впрочем, это слегка подорвало престиж реальных ученых и сказалось в том, что их труд стал практически неоплачиваемым... Следовательно, многие из них уже давно подрабатывали дворниками, уборщиками и официантами — с годами эти профессии никуда не делись, и уборщицы по-прежнему тёрли пыль мокрой тряпкой. Существование машин-роботов, заменяющих ручной труд, было невыгодным, дорогим удовольствием и применялось кое-где лишь для экзотики.

Таким образом, поскольку большинство интелов были своего рода «мёртвыми душами», то Фанни было именно поэтому не по себе от проявленного ими интереса к своей особе. Что-то они нашли с ней общее. И в личной переписке многие из них даже интересовались, а кем же Фанни была при жизни. Она, как обычно, мило отшучивалась и напускала побольше интригующего тумана.

Итак, весь день Фанни упорно просидела в интернете, за общением и сочинительством, даже не заметив, как незаметно наступил вечер. Есть ей почти никогда не хотелось, и целый день она лишь попивала воду из пластиковой бутылки.

Но вечером ей неожиданно и внезапно захотелось пройтись.

Она тотчас накинула легкий плащ — на улице накрапывал мелкий дождик, и засунулась в узкие и длинные ультрамодные сапоги, согревающие ноги при холоде и охлаждающие при жаре. Когда Фанни выскочила из своей комнатки-пенала, то наспех закрыла её на ключ и прошелестела своим длинным синим плащом в стенах коридора.

Она проскочила мимо выстроенных в ряд у стены и вечно, в любое время суток, работающих стиральных машинок. Эти машинки шумно проворачивали бельё внутри своих прозрачных огромных желудков и посверкивали разноцветными лампочками, время от времени включаясь и выключаясь. Они были похожи на застывших, но вечно живых чудовищ.

Фанни закрыла общую дверь коммуналки, ведущую на площадку, после чего, долго дожидаясь старого лифта, наконец, съехала вниз в его прокуренном брюхе и вышла из темноты подъезда, слегка пошатываясь на высоких, уже сильно сбитых, каблуках. Отчаянными шагами вызванивая пустоту асфальта, Фанни устремилась в вечное, одинокое никуда...

Глава 2. Встреча

Пахло прошедшим дождём, прелыми листьями, уже подступившей дождливой осенью... Немного побродив по улицам, следуя тихой тенью за весёлыми группками молодёжи и обнимающимися парочками, мимо кафе и ресторанов, мигающих мишурой призрачных огней, Фанни свернула в более тихий район города и направилась в старый парк, с его облезлыми лавочками, яркими акварельными листьями клёнов и чугунной решеткой. В маленьком неглубоком пруду плавали полусонные утки и селезни с яркой и нарядной окраской, редкие бабушки прогуливали на поводках своих больших откормленных котов с глубоко задумчивыми, по-человечески интеллектуальными лицами. Фанни тоже очень хотела бы завести себе кота, рыжего или чёрно-белого. Но она и сама не имела собственного жилья, вынужденная вечно скитаться по чужим, съёмным квартирам, в которых никогда не могла чувствовать себя как дома и считать таковые своим жилищем, а не очередной временной ночлежкой. Ведь она всегда находилась там на птичьих правах, и каждую минуту могла очутиться вновь без жилья, на улице. А она очень не любила ночевать на улице или в подъездах. И дело было даже не в отсутствии комфорта, а в постоянном страхе, который испытываешь на незащищенной ничем территории, где в любой момент может случиться что угодно. В таких местах, когда неожиданно накроет внезапный сон, последующий за ним кошмар легко может стать явью...

Фанни довольно долго бродила по парку и вся продрогла. Но почему-то она не торопилась домой. Неожиданно, среди раздумий, в четко выверенной чеканности шагов, среди луж и прелой листвы, среди резко очерченных ветвей, серого хмурого неба и начинавшейся мороси, в глубине её успокоенного на время мозга вдруг раздался странный щелчок, за которым последовала звенящая, лопнувшая, раскрывшаяся вовнутрь пустота... А потом отчетливый голос, привлекательный и зовущий, произнёс её имя: «Фанни...» Тихий, как шелест, голос...

Она обернулась и осмотрелась кругом. Но никого не было ни поблизости, ни даже вдаль. Она сейчас находилась в самом глухом, самом дальнем уголке безлюдного сейчас парка. «Показалось», — подумала Фанни и направилась к выходу, как можно скорее. Сердце трепетно и гулко застучало в такт её убыстряющихся, убегающих шагов. Вот уже — узкий мостик через пруд. Если пройти по нему, можно сократить расстояние до выхода из парка.

Фанни приблизилась к мосту и пошла по нему, лёгкая и беззвучная, как тень, вглядываясь вперед, в пустоту надвинувшихся сумерек. Когда она прошла с треть моста, из темноты деревьев, находящихся на противоположной стороне пруда, отделилась фигура высокого человека в длинном плаще с капюшоном. Незнакомец шагнул на мост и последовал ей навстречу. Он двигался порывисто, и его свободный плащ развевался на ветру. Фанни по-прежнему продолжила своё движение вперёд, мысленно уговорив себя ничего не бояться. Она не ощущала со стороны незнакомца никакой угрозы или опасности. Так они и шли друг к другу, пока, оказавшись совсем близко, незнакомец не позвал тихо:

— Фанни!

Она застыла на месте. Именно этот голос слышался ей недавно... От неожиданности она онемела, как-то обмякла и теперь стояла, опершись, чтобы не упасть, на тонкие чугунные перила моста.

— Здравствуй, Фанни! Я долго искал тебя, — прошептал он еле слышно, а затем

внезапно приблизился и обнял её за плечи, слегка притянув к себе. Полностью лица незнакомца Фанни по-прежнему, даже вблизи, не видела, так как его низко надвинутый капюшон скрывал глаза. Но зато Фанни почувствовала исходящее от незнакомца тепло, какую-то неизвестную ей уверенную силу и странную, родственную близость.

— Я нашел тебя, Фанни! Как же долго я тебя искал! — сказал он твёрдым голосом, и вдруг Фанни, неожиданно для самой себя, заплакала и уткнулась лицом в его плечо. Он ещё плотнее прижал к себе её голову и провёл ладонью по волосам:

— Успокойся, моя девочка, успокойся...

«Девочка, — Фанни внутренне усмехнулась горько. — Знал бы ты...» В её голове промелькнуло навязчивое непрощенное видение, в котором этот незнакомец приглашает её в бар, спрашивает, сколько ей лет, начинает задавать глупые вопросы про то, есть ли у неё парень, спрашивать разные прочие молодёжные глупости... «Стоп! — прервала она поток этого услужливого бреда нахлынувших мыслей, — Откуда он знает моё имя? Откуда?»

— Мы знакомы? — тупо спросила она.

— Отчасти. Мы ведь очень долго дружим в сети, — тихо ответил он.

И незнакомец скинул с себя капюшон. Неясно-расплывчато: из-за полумрака, — но она всё же узнала давно знакомые ей черты лица, которое встречала прежде... Лишь на аватарке... И внимание всегда в первую очередь привлекали его глаза, ясные и чистые, смелые и проницательные, и только затем она рассматривала и недлинные светлые волосы, и ровный прямой нос, и волевой подбородок... Да, они были знакомы. Пускай — не наяву. Но... тем глубже, тем чувственней он уже проникал ей в самую душу.

В сети у него был странный ник. Он любил фантастику и взял себе имя из одной фантастической книги, которую Фанни тоже любила. Правда, в книге этим именем назывался отрицательный персонаж...

— Здравствуй, Неназываемый! — выдохнула Фанни. Затем она потянулась и слегка дотронулась рукой до его лица, губ, волос, будто проверяя его реальность и плотность и боясь, что он может внезапно исчезнуть, растаять в воздухе.

Эти двое, застыв, продолжали стоять на мосту, и Фанни не знала, что ей делать теперь, после этой встречи с близким ей по духу человеком. Она вовсе никогда не предполагала встречи с ним в реале. И он знал опасно много о её душе и привычках — столько, сколько не должен знать мужчина о женщине, легко ранимой, чтобы у него никогда не было под рукой такого удобного шанса причинить ей боль или даже нанести глубокую рану при возможной ссоре, — какую может нанести только «близкий друг»... Что же теперь?

Возможно, лишь одна бурная ночь с последующим ещё более бурным отторжением и неприятием, или же он будет действительно любить её, как и раньше, но теперь наяву, а также преследовать её, искать, ожидать в подъездах новых съёмных её квартир... и прочими способами отравлять ей жизнь. Может даже, предложит ей пожениться... Жуть!

Трудно сдуть пыль со своего чувственного мира, как с памятных ей листов, в 2020 сдаваемого навсегда, давно уже престарелого паспорта с последней фотографией в сорок пять... Как же давно были эти сорок пять... Там, на паспорте, она выглядела гораздо старше, чем теперь. Теперь она стала стройнее, утончённее, а глаза приобрели таинственную, загадочную глубину. Таких, как Фанни, наверняка в старину считали богинями, а позже — ведьмами. А в наши дни... Сейчас она просто неправильный человек, изгой, вынужденный прятаться, скитаться и скрываться, маскируясь под серую невзрачную мышку.

«К чёрту доводы! — Фанни отринула, наконец, в сторону нестройный поток мысленных нелепых рассуждений. — Это же... Он! Это может стать счастьем: временным, но глубоким... Но только... как же тяжело будет потом расставаться!

— Мы не расстанемся, Фанни! — как бы подслушав её мысли, в тон им, сказал её спутник, — Нет, мы не расстанемся!

— Как твоё настоящее имя? — спросила Фанни.

— Ты же знаешь, что у нас нет имён. Нет возраста. Нет правил. Моё имя, данное при рождении, я давно не вспоминаю: столько я уже сменил «своих» имён. Твоё имя, соответствующее паспорту, я знаю... Оно похоже на улитку на мокром песке, и оно абсолютно тебе не подходит. Я знаю его потому, что нашел тебя в интернете давно, когда ты ещё подписывалась своим настоящим именем... Потом ты меняла ники, но я неизменно узнавал твою сущность под разными вымышленными именами. И это я подсказал тебе нынешнее: так я назвал тебя однажды... Фанни, чудачка...

Фанни побоялась задать ему сейчас какие-либо еще вопросы. Станным было всё это... Настолько странным... Что этого просто не могло быть. Она не чувствовала поэтому в данный миг ни реальности, ни ног под собою.

Часто мы думаем, что приходим в этот мир, чтобы думать, рисовать, читать книги, совершенствоваться духовно, чтобы достичь чего-либо в жизни... Но простая и непривлекательная истина рано или поздно достигает нас и убивает в нас неясные стремления. Эта истина непритязательна и неприкрыта, и заключается она в том, что мы приходим в этот странный мир лишь затем, чтобы выжить. И никто и никогда при этом даже не спросит нас, а нужен ли нам этот тип существования. Да и мы сами в жестких рамках выживания порой забываем даже задуматься, зачем и кому это нужно. Но лет в сорок уже практически каждый из нас достаточно хорошо знает эту простую истину о выживании, даже если он не отдаёт в этом себе отчет. И это знание не так уж плохо: оно позволяет многое прощать другим людям, оберегать своих близких, но только... Оно абсолютно не оставляет больше никаких прав на призрачные мечты о будущем.

Фанни было гораздо больше сорока, к тому же иллюзий и розовых очков, как призмы восприятия, она лишилась рано: еще в двенадцать лет, разглядывая падающие снежинки, она внезапно поняла, что так же, как их кристаллическая структура, так и человеческая жизнь уникальна и ужасно хрупка в руках неумолимого времени. А теперь Фанни настолько давно жила одна и была поглощена собственным одиночеством, чувствуя себя песчинкой на пляже в недрах любимого ею города, что совершенно не задумывалась ни о будущем, ни о прошлом, ни о том, кто она есть — жила, как лист на ветру, оторванный от дерева, вечно свободный, но никому не нужный. Она находила некое подобие себя и определённости, оформленности личности лишь в те часы, когда выходила в интернет, где и проистекала её вторая, и, наверное, более реальная жизнь в более близком ей по духу мире... Она знала, что, когда она создаст своего интела, он уживётся там легко и просто... Многие созданные людьми интелы, недостаточно прочно освоившиеся в мире чистого интеллекта, погибали, но её интел будет здесь существовать, как рыба в воде... Впрочем, с созданием интела Фанни не спешила, хотя эта услуга была бесплатной и доступной каждому. Её не волновала судьба своих интеллектуальных заслуг, и интернет она любила не потому, что он делал её в какой-то степени известной другому, внешнему, миру. Нет, она любила его лишь потому, что только там был безразличен всем её возраст и груз личной истории: там можно было облегчиться от

этого груза, забыть навсегда тот пресловутый «жизненный опыт», о котором талдычат глупцы, и который не даёт человеку ничего, кроме усталости от жизни и права умереть. Фанни хорошо знала, что нет и не может быть никакого «жизненного опыта». Нас выручают мозги и интуиция, которые либо есть, либо их нет. А то, что зовётся «жизненным опытом» — просто старость и разочарование в жизни. Мы можем удерживать в голове лишь определённое количество информации, и оно постоянно меняется. Изучая новое, мы забываем или отвергаем старое. И потому, годы не делают нас умнее. Умение выживать и ориентироваться в окружающем мире тоже не растёт с годами, поскольку мир постоянно меняется, и старые правила перестают в нём работать. Лучше всех в окружающем мире ориентируются люди молодые, поскольку гораздо лучше знают этот мир... Их мир.

Фанни и Неназываемый по-прежнему стояли на тонком мостике, под уже сильно морозящим дождём и порывистым ветром.

— Где, скажи, мой дом?

Розы под окном,

И зелёный лес?

Синева небес,

Близко — облака,

Вдалеке — река?

Где, скажи, мой дом?

За каким углом,

Камнем под каким?

Журавлиный клин...

Горечь и беда.

Нет пути туда...,

— неожиданно прочёл Неназываемый стихотворение Фанни, которая уже и забыла, в каком веке успела кинуть его в интернет. Но он его помнил.

— Долго мы будем стоять здесь, на мостике? — спросила Фанни.

— Хоть целую вечность. Но становится холодно. Пойдём в кафе, если хочешь?

Она зябко поёжилась. Уже стало совсем темно, лишь силуэты деревьев на фоне синего неба — всё, что их окружало за гранью поблёскивающей отраженным светом фонарей воды.

— Я знаю здесь одно уютное заведение... Ведь ты никуда не спешишь, Фанни?

— Я никогда никуда не спешу. Наверное, я уже прогорела в глубине души, и теперь я как свеча без фитиля. Которая не даёт света.

— Просто, ты переживаешь безвременье, Фанни. В таком состоянии внутри твоей души могут легко проникнуть другие, странствующие, души и легко овладеть твоей сутью... И, чтобы этого не случилось, надо достигнуть полноты и ясности, наполниться собой до самых краёв, заполнить себя... только собою... Если тебя хватит на то, чтобы самой стать сутью.

— Наверное, это слишком сложно для меня, Неназываемый!

— Нет, это просто. Вначале мы пытаемся заполнить пустоту внутри себя другими людьми, любовью и заботой, связанной с ними. И лишь со временем понимаем, что пустоту этим заполнить нельзя, что это пустая трата времени и сил. И при этом другие нас просто

используют в своих целях. Мы тратим себя на собственные миражи или пустышки. И надо, впрочем, делать всё то же самое, только не растрчивая при этом себя и не придавая этому большого значения. Надо отдавать этому миру ровно столько, сколько он даёт тебе. Никак не больше! Упущенного не воротишь, но потраченную зря энергию всё же можно восстановить, оборвав ненужные связи. И начав жить настоящим, не задумываясь о нужности или ненужности старых ран и затрат. Мир задолжал тебе немного тепла и заботы... Правда, Фанни... «Стучите — и вам откроют»... Только надо постучать...

— Как можно жить... настоящим? В нём нет света. Мне не за что здесь зацепиться. Я могу существовать... только в выдуманном мною мирке. Увы, это — так. Без него я начинаю падать в пропасть.

— Этот мир придуман не тобой, но нами всеми. Когда человечество стало падать в пропасть, открылся выход в интернет... Иная реальность с иными законами. Только, никто этого ещё не понял. Но я сейчас немного о другом. В настоящем — ты тоже не одинока. В реале. Правда. И в жизни каждого человека, даже слишком сильного и самодостаточного, иногда бывают моменты, когда он сможет выжить, только приняв чужую помощь. И в твоей жизни такой момент скоро наступит. И не надо тебе страшиться или стесняться чужой помощи. Любая помощь — от Бога. Но... Пойдём потихоньку. Здесь темно, Фанни. И вот — моя рука. Обопрись на неё. Не бойся... Я не предаю тебя, Фанни... Пойдём!

— Куда мы пойдём, Неназываемый? В кафе?

— Да. Я приглашаю тебя в кафе... Тебя кто-нибудь, когда-нибудь, приглашал посидеть в кафе?

— Нет, — тихо ответила Фанни.

— Так я и знал... Бедная моя, сильная девочка! К тебе притягивались лишь слабые мужчины... Требующие от тебя женственности, но ничего не дающие взамен. Ни поддержки, ни силы... Требующие от тебя также и мужества.

— Неназываемый... Ты слишком хорошо меня знаешь... Я этого боюсь...

— Просто... Я знаю тебя лишь потому, что я — слишком похож на тебя, Фанни. Я — как твоё мужское воплощение. Мы — родственные души, Фанни...

Я оставил случайную мысль
И напрасную соль вдохновенья
Там, где слёзы упали
На жаркий горячий песок.
Меня гложут напрасные муки,
И песня великих стремлений
Улетит от меня к тем, другим,
Что читают миры между строк.
Миражи ритма слов
Среди муки вселенской и боли,
Средь ненужного мира
И вечного бреда идей...
Он идёт, тот старик с фонарём,
И молчит его лира,
И по-прежнему так
Не хватает людей...

Его посох стучит об асфальт,
И глаза его слепы.
Но он знает и видит
На многое больше других...
И не надо ему ни даров,
Ни насущного хлеба —
Он идёт и питается
Чувством и мыслью живых.

— Я помню эти твои строки. Помню, когда ты мне их написал. Но... Мне становится страшно, Неназываемый.

— Почему?

— Мне слишком хорошо, и впервые не одиноко. А за всё в этом мире надо платить... Я боюсь той цены, что предъявят мне высшие силы.

— Бог милостив и не похож на пугало. Он даёт радость и любит те минуты, когда мы счастливы.

— Я не знаю, что такое быть счастливой.

— Ты просто забыла, как это бывает, Фанни...

— Это бывают... миражи. Они проходят быстро, а вот испытания, посылаемые следом, длятся долго. И только... Не говори, что бог или боги не посылают человеку испытаний свыше тех, которые он в силах выдержать. Просто, те, кто не вынес испытаний, уже мертвы и ничего нам не расскажут.

— Всё — так. Однако, чем сильнее человек, тем больше испытаний выпадает на его долю. Потому и решили, что бог руководит их назначением. Обычно слабым везёт больше.

— Тогда — зачем быть сильными? Зачем быть умными, если везёт дуракам? Зачем быть красивыми, если везёт дурнушкам? Справедливыми — если мир в корне порочен и жалок?

— Потому, что всё не так, как кажется. Мы не видим истинной реальности и того, что происходит. Мы видим лишь то, что отображается в кривом зеркале общечеловеческих иллюзий. Мы живём в мире отражений и создаём следующие отражения, заполняя ими пустоту. Мы присутствуем на маскараде, который почему-то не закончился и вышел за пределы средневековых мистерий в так называемую «настоящую жизнь». Здесь почти не осталось реальности, остались только маски. За которыми порою совсем нет людей. Совсем. Абсолютно.

— Мне страшно...

— Не бойся, Фанни. Мы теперь вместе.

— Кстати, почему вы решили меня найти? Я же писала вам, что считаю те чувства, что не проявлены в реале, более возвышенными и достойными проявления? Они не убиты пошлостью навешанных на них ярлыков, не имеют ни обозначения, ни плотности... Они как бы вне времени и вне пространства. Я всегда хотела общаться со своими друзьями лишь в пределах интернета и никогда не пересекаться в реале... Я всегда писала об этом... Помните?

— Я всё помню, Фанни... Особенно — то ваше письмо, в котором...

— ... Были стихи...

— Странные стихи... Как всегда, в твоём стиле...

Что для меня осталось?
Что обострится ввысь?
Если вчерашний парус
С мачтою — сорвались?
Или — пилить по нервам
Бешеным, злым смычком,
Или — по бездорожью
С порванным рюкзаком?
Нет на земле пристанищ,
В небе — тем более нет.
Снизу — адских ристалищ
Злой, красноватый свет,
Сверху — ледащий холод
И никаких забот.
Сверху — нависший молот,
Низ — наковальни лёд.
Если скользить по жизни —
То выдают глаза.
Если скорбеть и киснуть —
Слишком суха слеза.
Барахтаться и бороться —
Так слишком ржав окоём.
Залечь же на дно колодца —
Так больше и не вздохнём.
В силках бесконечно биться
За право быть мерой вещей?
Душа — нет, совсем не птица,
Зажата в тиски клещей.
Она беспокойно бьётся,
Но сталь тяжела оков...
Что же тогда остаётся?
В маске для дураков
Пред зеркалами кривляться?
Пыль, духота, нищета...
И у смешного паяца
Глубокие складки у рта...
Тайной твоей хочу я
Быть, и до хрипоты
Мысленно закричу я:
Не выдавай мечты!
Есть отголоски боли,
Рытвины пустоты —
Те, что звались любовью...
Будешь иное — ты!

У официантки в кафе были печальные, серые глаза, полные затаённой грусти. Она была тоненькая, будто бы полупрозрачная, и чем-то напомнила Фанни Лану из канцтоварного киоска. «Странное дело, — подумала она, — Многие современные девушки делятся на две категории: или совсем худенькие, с ручками — ниточками, или же — просто тумбы, нередко ещё и огромного роста, со слоновьими ногами. Мутации от потребления суррогатов и всяких коктейлей?»

— Мы живем в эпоху тотального одиночества. В сжавшемся в комок, уменьшенном мире всеобщей толпы и отсутствия личного пространства, — шепнула Фанни.

— Да. И во времена, когда так необходима порой поддержка друзей, — возразил Неназываемый.

— Самое лучшее, что может сейчас сделать тайный друг — расстаться на пике отчаяния, — Фанни, произнеся это одними губами, отвернулась в сторону.

На маленькой сцене в глубине этого странного кафе девушка и парень в черных театральных облегающих костюмах разыгрывали странную пантомиму, смысла которой Фанни толком не поняла, поскольку сидела к сцене боком и лишь изредка бросала в её сторону взгляды, остальное время посвятив робкому разглядыванию своего спутника.

Девушка-официантка записала заказ и вскоре принесла бутылку розового вина и пару вазочек с мороженым.

— За встречу! — провозгласил спутник Фанни, разливая вино по бокалам, — выпьем немножко, чтобы согреться!

Фанни поднесла бокал к губам, сделала небольшой глоток. По телу мгновенно разлилась приятная теплота. Давно она не пила никакого спиртного: настолько давно, что уже успела позабыть вкус вина.

Неожиданно, кажется, после того, как в кафе вошли новые посетители, глаза собеседника Фанни сделались холодно-настороженными.

— Выслушай меня внимательно, не перебивая, — шепотом, вкрадчиво, попросил он, продолжая улыбаться и рассматривая пустой бокал, вертя его в своей руке. — Завтра мы с тобой встретимся здесь же, в этом кафе, часиков в шесть вечера. Выпись, собери самые нужные тебе вещи, сдай их в камеру хранения на Московском вокзале — и приходи сюда, а предварительно, желательно, покатайся немного на метро. Здесь я расскажу, что тебе делать дальше. Если только с тобой сегодня же не произойдёт нечто непредвиденное.

Фанни улыбнулась. Ну что с ней может произойти такого уж непредвиденного! Её дни проходили буднично и неприметно.

Неназываемый понял её реакцию и сказал:

— И всё же, если с тобой дома вдруг произойдёт нечто непредвиденное, то... Действуй по обстоятельствам, но обязательно покинь квартиру, как только заметишь хоть что-нибудь необычное... Даже, если это будет передвинутая кем-то вещь, лежащая не на своём месте или просто ощущение чужого присутствия. И сразу звони по этому номеру... Записывай...

Фанни автоматически стала заносить в плеерфон набор цифр.

— Ты позвонишь и скажешь только два слова: «Я иду»... И, когда выйдешь из дома, не садись ни на какой транспорт. Иди пешком. Ты знаешь, где дом-музей Набокова?

— Да. Приблизительно.

— Он недавно горел. В очередной раз... Что-то не везёт этому дому. Так вот, ты войдёшь в его парадный подъезд, там у входа, в холле, в любое время суток, будет сидеть лишь бабушка-вахтёр. Она тебя ни о чём не спросит. Потом ты пройдёшь по лестнице, по

парадному залу, войдѣшь в кабинет...

Он долго и подробно описывал Фанни последовательность её дальнейших действий, план поворотов и спусков. В результате, она должна была очутиться в подземном коридоре, по которому она попадет в совсем другой район города... Фанни не приходилось бывать в этом месте: в доме, в подъезде которого ранее находилась масонская ложа.

— Ты выйдешь из подъезда и сядешь в желтую машину с надписью «Аварийная»... Ты всё запомнила?

— Да, — ответила Фанни.

— Очень надеюсь, что эти указания тебе не понадобятся. Но всё же... А теперь... Я ухожу. До встречи, — с этими словами Неназываемый поднялся со своего места и направился к выходу.

И вышел, не оборачиваясь больше.

Фанни проводила его взглядом, потом посмотрела в чёрную пропасть оконного проёма. За окном хлестал неожиданно усилившийся дождь.

Она ещё немного посидела так, доела мороженое... Пора уходить?

На небольшой сцене теперь новые парень и девушка разыгрывали сцену, похожую на восточный танец. В конце которого девушка в японском кимоно раскрыла над собой синий зонтик с крупными цветами и пошла прямо между столиков, семеня маленькими ножками. Она остановилась возле столика Фанни, и неожиданно, слегка подавшись к ней корпусом, тихо сказала:

— Вам просили передать, — она протянула зонтик Фанни, очень смущаясь, что выражалось в каждом жесте, присутствовало в ней во всём, вплоть до кончиков пальцев, и улыбаясь сдержанной улыбкой. Легкий поклон — и вот она уже растворилась меж множества новых танцоров, одетых в разноцветные трико, которые высыпали в это время в зал и теперь странно передвигались везде по кафе, в клубах сигаретного дыма.

Фанни, закрыв подаренный ей непонятно кем зонтик, прошествовала к выходу и вышла на тёмную мокрую улицу, под дождь.

Глава 3. Библиотека

С некоторых пор Фанни оказалась за гранью общественной жизни. Имея юный, ничем не объяснимый с точки зрения простых обывателей, облик она интуитивно решила, что называется, «не высовываться». Не оформлять, к примеру, пенсию, да и по возможности не появляться ни в каких властных органах и общественных организациях. Залечь на дно. И это ей вполне удавалось.

Фанни интуитивно осознавала, что такие, как она, люди-долгожители не нужны в этом мире, и будут уничтожаться, скорее всего, при их обнаружении. Тем или иным способом. Во-первых, они слишком хорошо знают историю. А кому сейчас нужна история? Она мешает создавать мифы. Во-вторых, и это главное, таким людям нужно будет или десятилетиями выплачивать пенсию, что весьма обременительно для государства, или создавать для них новые законы. А это так хлопотно и неудобно... Обществу удобнее ввести добровольную эвтаназию по закону, разрешаемую после семидесяти. Или не слишком добровольную... В общем, пока что спасение себя, как личности, и спасение подобных себе, если таковые были где-то еще, виделось Фанни лишь в общем бардаке и недостаточности средств для тотального контроля за населением. Только в этом.

С тех пор, как она оказалась вне «нормальной» жизни — то есть, не могла больше воспользоваться старыми умениями и полученным некогда образованием, поскольку ее документы были безнадежно стары, а образование бесконечно и безнадежно просрочено, Фанни усвоила несколько новых постулатов железно.

Одним из них было принятие того, что повсюду у нас всем распоряжаются люди, «укушенные» в голову. От дворников и посудомоек, среди которых такие личности становятся главными дворниками и посудомойками — и по нарастающей «вертикали». И они везде и всенепременно «в курсе», и всегда докладывают о своих делах начальству — и достигают своих задач и целей. Иногда, только потому, что начальникам не хочется связываться с такими личностями, а легче выполнить все их требования. И вот, они уже под крылышком у вышестоящих, и вершат свои разборки с остальными их руками. Начальство, к тому же, очень злопамятно, и потому имеет удовольствие накапливать сплетни, поданные ему подобными прихлебалами власти.

Усвоила Фанни также и то, что начальством для квартиросъемщика, проживающего на чужой территории, являются самые «активные» и наглые жильцы, собственники других потаенных углов. Среди которых, чаще всего, большая часть страдает вывихом мозга.

[Купить полную версию книги](#)